

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ

**ПРИСОЕДИНЕНИЕ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
К РОССИЙСКОМУ ГОСУДАРСТВУ.
ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА**

«Круглый стол»
в Институте российской истории РАН

14 ноября 2002 г.

Под редакцией
члена-корреспондента РАН А.Н. Сахарова
доктора исторических наук В.В. Трепавлова

Москва – 2003

14 ноября 2002 г. в Институте российской истории РАН был проведен «круглый стол» на тему «Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд их XXI века», организованный Центром истории народов России и межэтнических отношений ИРИ РАН. Непосредственным поводом послужило исполнившееся в октябре 2002 г. 450-летие со дня взятия Казани войсками Ивана IV. Это событие стало поворотным пунктом в исторической судьбе поволжских народов и всего Российского государства. Оценка его с научных, объективных позиций, по мнению организаторов встречи ученых, могла бы способствовать росту интереса к общей истории народов России и в конечном итоге их сплочению, оказалась бы полезной для укрепления межнациональных отношений в стране.

Задачи «круглого стола» состояли в выяснении причин и исторических обстоятельств завоевания Иваном IV Казанского ханства; политических, культурных, этнодемографических и других последствий завоевания; отражения присоединения Поволжья к России в историографии, а также в исторической памяти народов.

«Круглый стол» открыл директор Института российской истории РАН, член-корреспондент РАН А.Н. Сахаров, вел заседание заместитель директора ИРИ РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, доктор исторических наук В.В. Трепавлов. В дискуссии приняли участие специалисты из Института российской истории РАН, Института востоковедения РАН, Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, Российского государственного гуманитарного университета, Московского исламского университета, Института истории АН Татарстана, Самарского государственного университета, Марийского государственного педагогического университета.

Дискуссия проходила без специально подготовленных докладов, в форме обсуждения тем и вопросов, которые были заранее сообщены участникам. Публикация заседания производится по отредактированной диктофонной записи. При подготовке записи к печати, по просьбе организаторов «круглого стола», его участники сверили цитировавшиеся во время дискуссии тексты и снабдили их ссылками.

Темы для обсуждения на «круглом столе»

I. Причины и факторы «Казанской войны»

1. Россия и Казанское ханство в геополитической структуре Восточной Европы XV-XVI вв. Проблема «золотоордынского наследия».
2. Казанское ханство: особенности исторического развития.
3. Русско-казанские отношения в XV – первой половине XVI в.
4. Почему началась «Казанская война»: лозунги и реальные причины.
5. Степень русско-казанского военного противостояния. Можно ли говорить о нападающей и обороняющейся сторонах.
6. Религиозный фактор в «Казанской войне».
7. Международный аспект «Казанской войны». Проблема коалиции мусульманских государств.
8. Присоединение чувашей к Российскому государству.
9. Присоединение марийцев к Российскому государству.
10. Взятие Казани: версии сторон.

II. Исторические последствия присоединения Среднего Поволжья к Российскому государству

1. Роль завоевания татарских ханств в развитии российской государственности.
2. Международный резонанс присоединения татарских ханств к России.
3. Повстанческие движения в Поволжье (вторая половина XVI-XVIII вв.).
4. Формирование российской системы управления в Казанском крае.
5. Этнодемографические процессы в Среднем Поволжье после присоединения. Формирование русского населения.
6. Особенности развития культуры поволжских народов после присоединения к России.
7. Образы русского и татарина в средневековом сознании.
8. Присоединение Среднего Поволжья к России в исторической памяти народов.
9. Особенности и перемены в оценке проблем присоединения Среднего Поволжья к России в историографии.

Участники «круглого стола»

Арапов Дмитрий Юрьевич, кандидат исторических наук, Московский государственный университет им. М.В.Ломоносова

Бахтин Александр Геннадиевич, доктор исторических наук, Марийский государственный педагогический университет

Бекмаханова Наиля Ермухановна, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН

Бурганов Адгас Хусаинович, доктор исторических наук, Российский государственный гуманитарный университет

Виноградов Александр Вадимович, кандидат исторических наук, Институт российской истории РАН

Дубман Эдуард Львович, доктор исторических наук, Самарский государственный университет

Зайцев Илья Владимирович, кандидат исторических наук, Институт востоковедения РАН

Исхаков Дамир Мавлявеевич, доктор исторических наук, Институт истории АН Республики Татарстан

Мухамедьяров Шамиль Фатыхович, кандидат исторических наук, Московский исламский университет

Никитин Николай Иванович, кандидат исторических наук. Институт российской истории РАН

Сахаров Андрей Николаевич, член-корреспондент РАН, директор Института российской истории РАН

Трепавлов Вадим Винцерович, доктор исторических наук, Институт российской истории РАН

В.В.Трепавлов: Уважаемые коллеги! Тема нашего «круглого стола» – «Присоединение Среднего Поволжья к Российскому государству. Взгляд из XXI века». Повод, по которому мы собрались, очевиден, хотя и не обозначен в названии: 450 лет назад, в октябре 1552 г., войска царя Ивана IV взяли штурмом Казань. Казанское ханство, обширный регион Среднего Поволжья, было включено в состав Российского государства. Всем участникам был заранее роздан перечень вопросов, предназначенных для обсуждения. Форма обсуждения – свободная дискуссия. Предлагаю начать нашу работу.

Слово предоставляется директору Института российской истории РАН, члену-корреспонденту РАН, профессору Андрею Николаевичу Сахарову.

А.Н.Сахаров: Прежде всего мне хочется от имени Института российской истории приветствовать участников «круглого стола», наших гостей из Поволжья и из Москвы.

Вначале я хотел бы отметить, что никакие юбилеи прямого отношения к науке не имеют. Юбилей – это, как правило, событие общественное, общественно-политическое и идеологическое. Если бы мы пошли по пути празднования «круглой даты», то отвели бы для этого, видимо, большой конференц-зал нашего Института, там сидело бы двести человек, был бы президиум, были бы торжественные речи, послания, приветствия... Но мне представляется, что вопросы, которые мы сегодня обсуждаем, имеют не столько «юбилейное», общественно-политическое, сколько большое научно-историческое значение.

То, что произошли 2 октября 1552 г., – это факт, к которому мы обращаемся для того, чтобы понять многие проблемы прошлого, предысторию самого события, его историю, последствия для татар и других народов Поволжья, для русского народа, его оценку в истории Отечества. Вот для этого мы и избрали форму «круглого стола» со свободным обсуждением, с последующей публикацией стенограммы, чтобы придать нашей дискуссии широкий, по-настоящему научный характер.

А.Н.Сахаров: С моей точки зрения проблема присоединения Казанского ханства никак не связана с вопросом о «счастье» народов Поволжья, вошедших в лоно Российского государства. Это идеологический штамп, который, надеюсь, мы уже давно преодолели. Не имеет отношения к этой проблеме и вопрос о «наименьшем зле» – тоже один из вариантов идеологического клише, равно как и вопрос, связанный с насилием, закабалением Казанского ханства «врагами из Москвы». Подобные штампы сегодня в известной мере «раскручиваются» с большей или меньшей долей успеха в ряде регионов нашей страны. Столь же ненаучны, на мой взгляд, описания присоединения Поволжья в учебниках, когда-то обеляется политика Ивана Грозного и Москвы, то поэтизируется роль Казанского ханства и его последнего хана, то выстраиваются какие-то немислимые политические комбинации, связанные с участием в этом противостоянии Турции и других держав. Все это не имеет никакой научной ценности.

А имеют научную ценность, по-моему, три проблемы. Первая – цивилизационная. Мы должны рассматривать «Казанскую войну» в ракурсе большого цивилизационного хронологического отрезка, который не завершается XVI в. и даже первой половиной прошедшего тысячелетия. Следует учитывать события и более далекого прошлого, когда обширное пространство Восточно-Европейской равнины стало ареной борьбы за лидерство то одного, то другого этнического конгломерата. Киммерийцы, сарматы, скифы, затем гунны, авары, хазары, позднее половецкий натиск, наконец, татаро-монгольское нашествие. Все это явления, относящиеся не к одному отрезку времени, не к десятилетиям и даже не к столетиям. Это события планетарного масштаба, разворачивавшиеся на огромной равнине.

В первой половине I тысячелетия н.э. здесь произошла смена этнического лидера, что стало особенно очевидным после образования Древнерусского государства и позднее Московского государства. Таким новым этническим и государственным лидером стало славянство, которое с огромными трудностями, с невероятным напряжением сумело переломить ход событий в Восточной Европе и отстояло в борьбе свою автохтонность, независимость.

Нашествие татаро-монголов явилось попыткой передела влияния на Восточно-Европейской равнине. Собственно говоря, это было закономерно, когда мощные татаро-монгольские силы двинулись на запад. Татаро-монголам, их сателлитам, союзникам и всей их державе, которая напоминает гуннское владычество, удалось на столетия стать соперниками славян в политико-этнических процессах. Это цивилизационное явление не укладывается в наши привычные понятия с их классовыми и экономическими факторами. Пытались его объяснить евразийцы, Л.Н.Гумилев, пытаются сегодня объяснить некоторые историки и историософы. Дальнейшее противоборство этих

двух тенденций, двух политико-этнических факторов за лидерство в конце концов склонило чашу весов в пользу восточного славянства.

Это вовсе не означало, что сформировавшийся татарский этнический и государственный конгломерат исчез. Напротив, он остался существовать в истории, как когда-то оставались существовать славяне под гуннами и хазарами и при этом набирали силы, демографически усиливались, экономически совершенствовались – пока не одолели своих противников. То же относится и к Золотой Орде, и к татарским ханствам. Это цивилизационные явления, которые мы должны рассматривать именно в таких широких масштабах. Я думаю, что это поможет нам оценить многие исторические явления и конкретные события в том числе.

Что касается конкретных исторических событий (это вторая проблема), то и здесь, я надеюсь, в ходе нашего обсуждения мы сумеем отказаться от ряда мифов, касающихся предыстории завоевания Казани, истории самого завоевания и его последствий. Мы должны рассматривать эту проблему с точки зрения взаимосвязей, взаимной борьбы двух крупных государств, двух этносов, двух религий. Мы должны также учитывать, что в данной борьбе участвовали и другие народы Поволжья, Прикамья и Приуралья: чуваша, мари, удмурты... Это был «котел», в котором решались цивилизационные и конкретно-исторические судьбы огромного региона.

И нам следует, видимо, честно сказать, что здесь противоборствовали и сосуществовали разные тенденции: и давление со стороны Московской Руси, и прорусские тенденции в Поволжье, в том числе в самой Казани. Восточнославянская цивилизационная волна, которая накрывала всю Восточную Европу, не могла не повлиять на политические структуры татарских ханств. Поэтому удивительно слышать, когда сейчас говорят только о борьбе Казанского ханства против Москвы. Уже давно к тому времени русская «агентура» и сторонники России работали внутри этих государственных структур, давно шла колонизация Поволжья – и насильственная, и мирная.

Третья проблема состоит в том, что мы должны четко понимать: происходило подчинение независимого, самостоятельного, гордого народа, имеющего за плечами великие исторические свершения. Казанское ханство имело глубокие корни – и не только в Золотой Орде, но и в Волжской Булгарии, оставившей свой этнический, социальный, экономический след, наложившей свою печать на историю Казанского ханства.

В период господства марксистской историографии все эти вопросы были как бы вне закона, их даже не хотели обсуждать. Сегодня же, я думаю, мы должны их поставить вновь.

Необходимо также с уважением относиться к государственным и национальным интересам – в частности, к интересам Московской Руси, которая силой обстоятельств, силой необходимости обороны своих границ и распространения своей территории разворачивала экспансию на восток, стремилась к захвату Волжского пути и старалась овладеть Приуральем и Зауральем. Эти процессы были естественны для тогдашнего Российского государства.

Поволжские народы в своем отношении к этому наступлению России были расколоты. Эта «буферная зона» между Москвой и Казанью была полна противоречий. Надо отдавать дань уважения героям того времени, представлявших оба противоборствующих лагеря, не оценивать события ни с московско-центристских, ни с казанско-сепаратистских позиций. И то, и другое было бы, наверное, не исторично.

Когда я был в Казани, мы на катере проехали по Волге, и казанский мэр показал нам памятник в честь русских героев взятия Казани. Я спросил его, а где же памятник героям обороны Казани? Он был очень удивлен этим вопросом. Между тем ничего удивительного здесь нет. Сейчас, в XXI в., мы ставим и восстанавливаем памятники русским, погибшим при штурме Казани, и возносим молитвы, и почитаем святых. Но ведь мир сегодня иной, и мы не можем стоять на уровне воинственных церковников XVI в., управлявших Казанской епархией, вроде знаменитого в нашей истории митрополита, позднее патриарха Гермогена. Нам необходимо оценивать события с позиций нашего времени, с позиций современной науки, современного гуманизма, общего цивилизационного и конкретно-исторического развития страны.

Кроме того, мы излишне замыкаемся на октябрьских боях 1552 года. Полагаю, это неверно. Надо признать, что покорение Среднего Поволжья, Казанского ханства продолжалось в течение чуть ли не десяти лет. Сюда были направлены лучшие полководцы, и прошло долгое время, пока регион не был замирен (по крайней мере, в основном) и не включен в состав Российского государства. Так что дело не только в штурме, проломе стены и пленении последнего казанского хана.

Перечисленные мной проблемы, а также последующее сосуществование двух народов в рамках Московского государства, позднее Российской империи, переплетение экономики, культуры, политики, этнических процессов – все это сегодня является предметом нашего обсуждения с позиций

историзма, уважительности, объективности, спокойствия и отсутствия каких бы то ни было предвзятых, заранее сформулированных положений или заданной идеологии, общественной позиции. Поэтому я думаю, что такая форма работы, как «круглый стол» со свободной дискуссией, лучше всего подходит для того, чтобы придать этим вопросам научный, беспристрастный характер и достичь тех целей, которые мы ставим: дать научный анализ событиям 450-летней давности – событиям, если угодно, «юбилейным», хотя о «юбилее» можно здесь говорить лишь с иронией, поскольку в науке ирония не возбраняется.

В.В.Трепавлов: Спасибо, Андрей Николаевич. В вашем выступлении намечены основные концептуальные направления для анализа тех событий, которые мы намерены обсудить. Теперь мы переходим непосредственно к нашей повестке.

Первым вопросом значит, в частности, проблема «золотоордынского наследия» в Восточной Европе XV-XVI вв. Вам прекрасно известно, что эта проблема в последнее десятилетие очень популярна и широко дискутируется. Связано это и с новой идеологической ситуацией в науке, и с ренессансом, евразийства (которое получает еще и политическую подпитку – своего рода неоевразийство), и с распространением, пропагандой трудов Л.Н.Гумилева. Для историков постепенно вырисовывается дилемма, как рассматривать Московскую Русь и Казанское ханство: как параллельно развивавшиеся государства или же как две структуры, вышедшие из недр общей, золотоордынской государственности и в равной мере обладавшие государственным и прочим наследием Золотой Орды. Видимо, здесь нужно искать какой-то баланс, какой-то вариант комбинации национальных особенностей и заимствований, привнесенных в результате долгого ордынского правления.

В середине XVI в. на Руси жило второе или третье поколение людей, которое не платило *выхода*¹. Татары уже не воспринимались русскими как доминирующая, господствующая сила. Однако оставалась и стойкая объективная традиция, историческая память о господстве татарских правителей. Все-таки в Казани сидел истинный, урожденный царь, унаследовавший этот статус от предков, а не венчанный впервые митрополитом, как Иван IV.

Вы знаете, что имеется немало исследователей на Западе – и среди наших эмигрантов, и среди современных европейских и американских историков (зачастую славянского происхождения) – которые пытаются непременно отыскать в государственно-политическом строе России следы ордынского наследия. Такие же попытки, кстати, имеют место и в отношении Османской империи; там обнаруживается *адат-и Чингизийе*, то есть правовая традиция Монгольской империи. Мне представляется, что убедительных признаков широкого золотоордынского влияния в русской государственности пока обнаружить все-таки не удалось. Я думаю, что в Московской Руси XV-XVI вв. татарские элементы в политике, управлении, наряду с какими-то объективными условиями и факторами своего существования часто использовались как тактические приемы – примерно так же, как в отношениях Руси с королевствами Западной Европы применялись дипломатические порядки, присущие христианским странам, изобретались соответствующие генеалогические легенды, понятные европейцам идеологические конструкции. Ну, а в отношениях с восточными соседями русские должны были и старались оперировать теми понятиями и категориями, которые были присущи мусульманским народам.

В принципе ситуация в Восточной Европе позднего средневековья, конечно, диктовала русским монархам необходимость использовать ордынское политическое наследие. Но не потому что оно укоренилось на русской почве, а в качестве одного из средств борьбы за гегемонию на развалинах Золотой Орды.

Н.И.Никитин: Если я вас правильно понял, вы считаете, что как Казанское ханство, так и Русь были в равной степени наследниками Золотой Орды – в том плане, что они когда-то составляли ее части.

В.В.Трепавлов: Нет, я излагал одну из полярных точек зрения на эту проблему.

Н.И.Никитин: Такие точки зрения есть, особенно в публицистике. Они проскальзывают и у евразийцев, но, по-моему, достаточного научного основания под собой не имеют. В историографии, в частности у В.Л.Егорова, достаточно убедительно показано, что Русь по отношению к Орде была вассальным государством, в отличие от будущего Казанского ханства и вообще земель, которые являлись частями Золотой Орды². Здесь, мне кажется, нет особых проблем хотя бы в том плане, что одно время ставка золотоордынского хана находилась на территории будущего Казанского ханства,

¹ Курсивом выделены историзмы, непереуведенные слова и некоторые специальные термины.

² Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С. 44.

на месте города Великий Булгар. Это была часть Орды, и Казань, естественно, была ордынской наследницей, ведь и на ее престоле сидели Чингизиды.

И.В.Зайцев: Я хотел бы добавить, что проблема, с моей точки зрения, сводится просто к определению понятия «наследство», в частности, являлся ли московский великий князь как ханский *улусник* наследником Золотой Орды в смысле могущества и других признаков. Это вопрос терминологии, потому что, безусловно, и в Московском, и в Казанском государствах золотоордынский след был очень велик и значим – и в каких-то адаптированных форм государственного устройства, и, возможно, в государственной идеологии. Но не надо забывать и о том, что Московское государство адаптировало и другие концепции: и западноевропейские, и собственные восточноевропейские; естественно, много было взято из Византии. Поэтому я могу согласиться, что об ордынском влиянии на Русь можно говорить лишь как об одном из частных моментов – например, в дипломатическом протоколе, документации.

Д.Ю.Арапов: Мы говорим о XV-XVI вв., но нужно учитывать явления и более раннего времени. На рубеже XIII-XIV вв. произошла, видимо, своеобразная «развилка». Мне приходилось заниматься вопросами, связанными с историей Русской православной церкви. В свое время она питала какие-то надежды на христианизацию Орды. Но в начале XIV в. там начали внедряться ислам, мусульманские правовая и государственная системы. Здесь-то, очевидно, и произошла эта «развилка» в путях дальнейшего развития. Все-таки для Руси была характерна другая система. То есть можно говорить, что это две разные государственные и правовые системы. Другое дело, что в той и в другой могли быть заимствованные элементы. Но для Руси они имели в значительной степени внешний характер.

Илья Владимирович (Зайцев. – *Ред.*) правильно сказал, что такие заимствования были в этикете, в посольских обрядах. Там в самом деле много таких явлений. Но надо отметить, что попытки навязать подобный восточный этикет не встречали у русских одобрения. Вот известный пример. В 1432 г., когда в Орде решался спор о московском троне между Юрием Дмитриевичем и Василием Васильевичем, хан мало того что назначил Василия великим князем, но потребовал, чтобы Юрий вел за уздцы коня, на котором сидел племянник. Василий Васильевич отказался, ибо «не возхоте того, дядю своего обесчестити»³. То есть когда мы говорим об этикете, то должны разбираться, что Москва принимала, а что отвергала.

Д.М.Исхаков: Я поддерживаю постановку этого вопроса. Имеются некоторые важные детали, позволяющие говорить о том, что Московское великое княжество и Золотая Орда были тесно связаны между собой внутренними сословными системами. Хорошо прослеживается общность клановых структур Крымского и Казанского ханств, и в эту же систему было включено Касимовское ханство. Во всех них присутствовали одни и те же кланы. А так как Касимовское ханство было как бы внутренним образованием, фактически входившим в состав Московского государства, то и Москва автоматически включалась в эти сложные взаимосвязи, которые представляли собой золотоордынское наследие.

Можно привести много примеров того, что для Московского государства были характерны и другие элементы наследия Золотой Орды. Общеизвестно у нас (и в западной литературе это дискутировалось) традиционное для Московского государства построение войск – деление на полки большой, правой руки, левой руки и т.д. Это совершенно идентично ордынскому военному строю.

Соглашаясь с тезисом о том, что две системы начали расходиться в определенный период, тем не менее я бы подчеркнул, что золотоордынское наследие в Московском государстве было достаточно значимым.

А.Х.Бурганов: Крупнейшие философы и историки (в основном эмигранты, выброшенные большевиками за рубеж) – Бердяев, Ильин, Карсавин – в своих работах подчеркивали мысль о том, что влияние наследия золотоордынского периода присутствует в российской государственности до сих пор. Я бы хотел получить от столь высокоэрудированной аудитории ответ на вопрос: какова методология неприятия этого тезиса?

Д.Ю.Арапов: В Российской империи считалось, что потомки Рюрика, потомки Гедимины и Чингизиды совершенно равнозначны. Более того, когда шел процесс присоединения казахских территорий, то в своей «Сибирской реформе» М.М.Сперанский использовал систему султанов – Чингизидов для приспособления их к российским условиям, включения их в империю. Им даровалось дворянство, и их аристократический статус щепетильно соблюдался. Так что никогда не было отрицания этого компонента.

³ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ). Т. 25. М.; Л., 1949. С. 249.

А.Х.Бурганов: Не только из тактических соображений – здесь присутствовала и стратегия.

Д.Ю.Арапов: Ну а как иначе-то?! И стратегия тоже. И притом всегда было понимание, что изжить ислам в Российской империи невозможно, хотя особой любви не было. Даже в самых жестких документах не ставилась такая цель.

И.В.Зайцев: Для того, чтобы рассмотреть проблему наследства полно, нужно взглянуть на системные изменения в государственном аппарате. Уважаемый Дамир Мавляевеич (Исхаков. – *Ред.*) говорил о Касимове. С моей точки зрения, это некорректный пример, потому что Касимов – это не Московское государство. То, что он был тесно связан с татарскими ханствами (в том числе институтом четырех *карачи* [высших сановников, представителей аристократических кланов. – *Ред.*]) с этим никто не спорит. Но ведь Касимов представляет собой уникальный пример контрибуции, которую потом Москва сумела обратить себе на пользу. Если же мы посмотрим на собственно московскую государственную структуру, то ничего подобного не увидим. Конечно, есть горячие головы среди западных славистов, которые пытаются, например, вывести поместье и вотчину из ордынского земельного пожалования – *сюргала* – абсурд, в общем-то, потому что эти явления существовали еще до ига.

Повторюсь, что можно проследить определенные изменения в терминологии, в названиях и функциях должностей, в посольском аппарате, в дипломатической документации... Но утверждать, как это делали евразийцы, будто Московское государство есть не что иное как ханство, где сидит православный хан, – это очень сильное преувеличение. При всех больших и малых изменениях московская государственная структура была вполне самобытной.

Да, московские государи испытывали определенный комплекс чингизидского наследия, легитимности власти, связанной с Чингидами, но он постепенно изживался. Были некоторые шаги, связанные с этим, скажем, у Ивана Грозного, когда он посадил вместо себя на трон Симеона Бекбулатовича (хотя там были, вероятно, и другие причины, в частности, попытка Ивана занять польский престол). Возможно, какие-то следы ордынской практики двоевластия можно найти и в учреждении опричнины, хотя я склонен видеть здесь влияние кавказского варианта института мужских союзов, привнесенное через посредство Темрюковичей.

Так что абсолютизировать золотоордынское влияние на Русь вряд ли стоит, потому что есть факты «за» и факты «против». На государственное устройство такое влияние было оказано, но системных изменений не вызвало.

В.В.Трепавлов: Коллеги, действительно, есть факты «за» и факты «против», систематизация таких фактов – одна из вечных проблем историографии, и, думаю, не только российской. Золотоордынскому наследию нужно посвящать особый долгий разговор. Но в принципе ведь этот вопрос у нас вводный для перехода к событиям XVI в. Поэтому сейчас я предлагаю углубиться в более конкретную тему и побеседовать о Казанском ханстве, об особенностях развития татарского государства на Средней Волге.

Э.Л.Дубман: Конечно, проблема золотоордынского наследия очень серьезна, особенно для XIV-XV вв. Но к середине XVI в. в геополитической ситуации Восточной Европы она, мне кажется себя исчерпала. Что касается Казанского ханства, то его следует рассматривать не просто как осколок Золотой Орды, а как государство, общественный организм, который формировался веками. Он возникает фактически в IX-X вв., и очень многое идет от Волжской Булгарии.

В.В.Трепавлов: Представление о Казанском ханстве как об осколке Золотой Орды присутствует и в массовом сознании, и в наших учебниках, тогда как его болгарские корни остаются в тени. Я не располагаю точными данными о том, помнили ли сами казанские татары в XVI в. о своем болгарском прошлом. Но есть некоторые косвенные данные. Когда в 1487 г. русские установили в ханстве режим так называемого протектората, Иван III включил в свой титул выражение «князь Болгарский». Таким образом, московские политики связывали Среднее Поволжье с Булгарией. Но раз так, то местные жители тем более должны были о ней помнить.

Между прочим, сейчас я подготовил к публикации одну из ногайских посольских книг. Там в грамоте ногайского вельможи в Москву Казанское ханство обозначено двумя понятиями: во-первых, «Алибаев и Алтынбаев юрт» (Алибай и Алтынбай – первые правители Казани, как сейчас считается, полубогатыри, поскольку о них до сих пор имелись только фольклорные сведения); во-вторых, «Болгарский царев юрт»⁴. Обычно ханства обозначаются в источниках посредством ханских имен – «Тохтамышев царев юрт» (Крым), «Темир-Кутлуев царев юрт» (Астрахань), «Бараков царев юрт»

⁴ Российский государственный архив древних актов (далее: РГАДА). Ф. 137. Оп. 1 (Новгород). Д. 137. Л. 384.

(Казанское ханство). Здесь же мы видим не имя хана, а название города: «Болгарский». То есть эта резиденция «царей», ханов продолжала считаться своего рода вместилищем государственности. Так что, действительно, болгарские корни Казанского ханства существовали наряду с золотоордынскими.

Д.М.Исхаков: Вопрос о болгарском наследии не так прост, и опираясь на те термины, которые содержатся в источниках, решить его довольно сложно. У меня в руках как раз один из источников, недавно введенных в оборот. Это сочинение под названием «Зафар-наме-и Вилайет-и Казан» 1550 г. – один из немногих подлинных текстов, аутентичных периоду Казанского ханства. Я просто приведу фразу из него: «...а также столица Булгарского вилайета, прекрасный, благостный город, один из великих городов исламского мира Казань»⁵.

Но проблема в том, что такие *вилайеты* (провинции) существовали в период Золотой Орды, и мы все прекрасно знаем, что Булгар являлся одним из округов Золотой Орды. Но насколько там сохранялись достижения предыдущей болгарской цивилизации? Пока нельзя сказать, что ответ на этот вопрос получен в полной мере. Археологи, правда, утверждают, что есть достаточно сильная преемственность булгарского периода с золотоордынским. Однако историков это не всегда убеждает, потому что те структуры, с которыми мы сталкиваемся в письменных источниках уже в эпоху Казанского ханства, очень хорошо показывают влияние не Булгарии, а Золотой Орды.

Некоторые считают, что Казанское ханство ведет начало от булгар. Такая точка зрения имела особенное распространение в прошлом, когда существовал запрет на изучение Золотой Орды. В то время преобладала булгароцентристская позиция, и существование Казанского ханства выводилось фактически непосредственно из Волжской Булгарии, без связующего звена. Есть и другая концепция, которая отрицает булгарское наследие, а золотоордынскому этапу отводит решающее значение.

Я являюсь сторонником умеренного подхода и в своей диссертации как раз специально показал что в составе Казанского ханства существовали две этносословные страты – ясачное население булгарского происхождения (*бесермены*, позже – *ясачные чуваш*) и служило-татарский слой с клановым делением, восходящий к золотоордынским татарам⁶. Я считаю, что роль булгарского наследия в сфере культурных достижений отбрасывать нельзя, так как определенные культурные ценности были восприняты в ханстве; но при этом все-таки роль Золотой Орды в формировании ханства и в его развитии была очень большой. Окончательная позиция по этому поводу в науке еще не выработана.

Н.И.Никитин: Что касается этносословных страт населения – здесь вопросов нет. Только с чувашами бы еще разобраться: они или татары в большей степени являются наследниками волжских булгар. А вот насчет политического наследия – скажите, известна ли историкам политическая структура государства Волжская Булгария? Можно ли сравнить ее с Казанским ханством, есть ли там что-то общее?

Д.М.Исхаков: Был термин, который вошел и в титулатуру великих князей московских, – «князь Болгарский». В Волжской Булгарии это был официальный титул главного правителя – *эмир*. В Казанском ханстве он иногда в источниках упоминается, то есть каким-то образом продолжал существовать. Довольно загадочное явление, плохо изученное.

Н.И.Никитин: А территориальное деление, система налоговых сборов и т.д.?

Д.М.Исхаков: Нет, детали неизвестны, источники не позволяют это выяснить.

А.Г.Бахтин: Дамир Мавляев (Исхаков. – *Ред.*) сказал, что существует две точки зрения. На самом деле, конечно, три, потому что сам он высказал именно третью. Ее придерживается ряд ученых, в том числе И.Р.Тагиров.

Д.М.Исхаков: Но он специалист по другим проблемам.

А.Г.Бахтин: Да, по другим, но он тоже высказывает такое мнение, которое не отрицает ни булгарского влияния, ни ордынского. Поэтому весь вопрос только в степени этих влияний.

По поводу государственного устройства. Очень мало известно о Булгарии, источники, к сожалению, ограничены. Но известно устройство Золотой Орды, и М.Г.Сафаргалиев указывает, что Казанское ханство повторяло в миниатюре Золотую Орду⁷. С этим, пожалуй, можно согласиться. Политические институты были привнесены, несомненно, из Золотой Орды, хотя, конечно, какое-то

⁵ *Шерефи Х.* Зафер-наме-и Вилайет-и Казан // Гасырлар авызы. Эхо веков. 1995. Май. С. 87.

⁶ См.: *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени. (Этнологический взгляд на историю волго-уральских татар XV-XVII вв.). Казань, 1998. С. 61 – 110; *он же.* Этническое развитие волго-уральских татар в XV – начале XX в. Автореф. докт. дисс. М., 2000. С. 14-19.

⁷ *Сафаргалиев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций. Из опыта образования и распада империй (X-XVI вв.). М., 1996. С. 500, 501.

своеобразие должно было сохраняться.

Тут были высказаны мысли по поводу этногенеза татарского народа. Я тоже интересовался этим вопросом, хотя это не являлось темой моего исследования. Позднебулгарское население не могло исчезнуть вдруг, ассимиляционные процессы всегда происходят медленно. Поэтому приход нескольких тысяч ордынских татар в Среднее Поволжье, где они встретились пусть и с близкородственным тюркским населением, не мог привести к быстрой ассимиляции. Основой крестьянского населения Казанского ханства (так называемая *чуваши*, *арская чуваша*) были скорее всего кипчакизированные поздние булгары, имевшие этнические связи с ордынскими татарами. Но все-таки это не одно и то же.

В XV в. четко разделяются татары и *бесермяне* (*бусурманы*). В частности, в русских текстах: русские напали и «побили на посаде татар и бусурман»⁸.

А вспомним странное, на первый взгляд, замечание знаменитого казанского поэта Мухаммедьяра, который в середине XVI в. очень неуважительно писал о татарах, называя их «хуже всякой собаки»⁹. Это указывает на то, что он как-то отделял себя от татар.

Видимо, процесс сложения единого татарского народа в XVI в. еще не завершился, и память о прошлом, следы происхождения от разных этнических предков оставались, как, собственно, и сейчас еще много остается. Помню из детства, как ездили тряпичники, собирали сырье. Когда приезжал тряпичник, все кричали: «Татарин приехал!» Было неважно какой он национальности, но у нас он ассоциировался с татаринцом, и мы не задумывались, почему. Просто в сознании сохранялось убеждение, что это татарин.

Вот и арская чуваша (поздние булгары) в результате ассимиляционных процессов стала татарами. Пришлые ордынские татары заняли господствующее положение, весь служилый слой состоял из них. Между ними и крестьянским населением находилось *казачество* – низшая служилая группа ордынских татар, очень близкая по своему социальному и имущественному положению к крестьянству – *ясачным* татарам, чувашам, булгарам. Естественно, между казаками и крестьянами происходило взаимодействие. Вот так это можно объяснить.

А.Х.Бурганов: И никто не отказывается от болгарского наследия.

А.Г.Бахтин: От болгарского наследия? Знаете, ордынская знать, которая в пришла в Казань, еще в XVI в. подчеркивала свою связь со знатью золотоордынской. Она говорила: как наши деды владели Русью, так и мы будем владеть, совершать походы¹⁰. То есть у них прослеживается связь именно с Золотой Ордой.

Н.И.Никитин: Еще один вопрос: язык. Все-таки язык волжских булгар и язык тех татар, что пришли на территорию Волжской Булгарии, – они несколько разные, как я понимаю, да? Какой язык в конце концов возобладал и лег, скажем, в основу литературного татарского языка?

Д.М.Исхаков: Золотоордынский.

Ш.Ф.Мухамедьяров: Правильно, что мы вполне корректно стараемся обратить внимание на основные элементы складывания государственности татарского народа. И та мысль, которая была высказана Андреем Николаевичем (Сахаровым. – *Ред.*) при открытии нашего симпозиума, – взглянуть в исторической ретроспективе на территорию Восточной Европы, оказавшейся на стыке цивилизаций, – действительно дает возможность выстроить определенные направления современных исследований в этой области. Только в последнее время, в смятенные 90-е гг., историки Татарстана, поставив перед собой амбициозную, в сущности, задачу, сумели конструктивно пересмотреть ряд ключевых проблем этнополитической истории татарского народа и его государственности. Это тем более важно, что все мы признаем, что в советской литературе многие вопросы освещались крайне тенденциозно, односторонне, в угоду господствовавшим тогда идеологическим схемам или даже просто замалчивались. Поэтому получалось даже, что татары чуть ли не подводились под категорию безгосударственных народов, хотя факты истории России свидетельствовали о том, что у татар государства были в разном виде и в разных вариантах еще до инкорпорации в состав России.

В частности, я хочу обратить внимание на то, что в начале 90-х гг. по инициативе президентов четырех тюркских республик – М. Ш. Шаймиева (Татарстан), М. Г. Рахимова (Башкортостан), М.Е.Николаева (Якутия) и уже безвременно ушедшего из жизни главы Республики Алтай

⁸ ПСРЛ. Т. XXVII. М.; Л., 1962. С. 127.

⁹ Цит. по: *Холиков А.Х.* Кто мы – булгары или татары? Кем без – болгарлармы, татарлармы? Казань, 1992. С. 50.

¹⁰ *Татищев В.Н.* История Российская. Т. VI. М.; Л., 1966. С. 28, 98; Казанская история. М.; Л., 1954. С. 65, 89, 90.

В.И. Чаптынова – было принято специальное постановление Правительства Российской Федерации за подписью В.С. Чернобырдина от 26 декабря 1995 г. за № 1763-р в связи с 1450-летием появления на мировой арене первого государственного образования, в названии которого зафиксировано слово *тюрк*, – *Тюркский эль*, и впервые были проведены соответствующие мероприятия. В Москве они проводились на базе Академии государственной службы при Президенте РФ.

В этом году исполняется 1370 лет со времени образования Великой Булгарии, которая, как принято считать, добилась в 632 г. независимости от Тюркского каганата и стала предшественницей более известного в истории Поволжья государства Волжская Булгария, о котором мы уже несколько раз сегодня заводили разговор.

Пользуясь случаем, хочу отметить, что выделение болгарской группы поразительно точно совпадает с глоттохронологическим определением времени самого первого, самого раннего расщепления тюркской языковой семьи, которое соотносится с периодом начальных сведений о гуннах по китайским источникам. Наиболее авторитетные тюркологи, такие как Н.А. Баскаков и К. Менгес, прямо связывают начало продвижения гуннов именно с отделением и постепенным, более ранним уходом на запад булгар¹¹.

В 1993 г. была проведена специальная сессия с участием Института российской истории РАН, посвященная 750-летию Золотой Орды. На ней однозначно было установлено, что негативное отношение к Золотой Орде по существу сформировалось в результате одиозного постановления ЦК ВКП(б) 1944 г. Потом было канонизировано тенденциозное изучение этнической истории татар, ограниченное лишь рамками болгарской теории. И правильно сказал здесь Д.М. Исхаков о том, что внимание к болгарскому наследию определялось именно этим, так как на протяжении 50 лет болгаристское направление торжествовало. С критикой этого направления я выступил еще в 1968 г. на VIII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук в Токио¹².

Здесь я хочу привести высказывание моего учителя, академика М.Н. Тихомирова: «Золотая Орда – явление общемирового порядка, если под этим миром понимать Азию и Европу». Каким же образом можно было вычеркивать из истории народов, которые входили в Золотую Орду, выкидывать целый большой этап?! И дальше он сказал очень красивые, многозначительные слова: «...Для нас, русских историков, история волжских татар и булгар имеет колоссальное значение. Без ее изучения мы никогда не поймем связь России с Востоком. Эта история блестящего, яркого, талантливого, энергичного, смелого народа – татарского народа привлекает нас своим большим значением в истории, я бы сказал, общей, международной»¹³.

Мы должны отметить, что для формирования Казанского ханства принципиальное значение имеет то, что оно сложилось в рамках Золотой Орды. Важность исследования позднесредневековой государственности татар в виде Казанского ханства с центром в городе Казани (который как крепость и торговый центр существовал уже на рубеже IX-X вв.) заключается не только в том, что она возникла после распада Золотой Орды, но и в том, что ханство было создано ныне существующим татарским народом, а не его этническими предками или предшественниками.

Во всех национальных историях появление национального государства считается наиболее значительной вехой – независимо от того, каков был его социальный облик. Казанское ханство возникло в системе содружества, целого созвездия татарских государств, которые наряду с ним вышли из Золотой Орды: Крымское, Астраханское, Сибирское, Касимовское (Мещерский *юрт*), Большая Орда, Ногайская Орда. В границах перечисленных постзолотоордынских исламских государств шло до поры до времени формирование самостоятельных татарских этнополитических общностей. При этом единство происхождения всех этих общностей, имевших и применявших этноним *татары*, восходит именно к этносу средневековых татар, сложившемуся в рамках державы поистине мирового уровня – Золотой Орды, *Улуса Джучи*. И клановая система, четырехклановая структура, о которой говорил Д.М. Исхаков, продолжала именно золотоордынскую традицию, она была характерна для всех послеордынских татарских государств.

Ногайцы тоже были «в упряжке» с татарскими ханами и государствами. Практически во всех этих ханствах они являлись *беклербеками*, начальниками войска, начиная чуть ли не с Едигея (золотоордынский правитель в конце XIV – начале XV в., родоначальник ногайской знати. – *Ред.*). То

¹¹ См.: Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 2001. С. 732.

¹² *Мухамедъяров Ш.Ф.* Основные этапы происхождения и этнической истории татарской народности // Труды VIII Международного конгресса антропологических и этнографических наук. Т. 2. Токио; Киото, 1968.

¹³ *Тихомиров М.Н.* Российское государство XV-XVII веков. М., 1973. С. 305, 308.

есть система была очень сложно сконструированной и она, по-видимому, прекрасно функционировала.

Еще мы должны отметить, что Татарстан в Российской Федерации является, очевидно, единственным субъектом, коренное население которого еще на заре русской истории, в домонгольское время имело несколько государств и активно было вовлечено в административное и политическое устройство складывающегося Российского государства.

Д.М.Исхаков: Относительно Казанского ханства я хочу подискутировать с коллегами, которые поднимали этот вопрос. Думаю, что нельзя подходить к Казанскому ханству изолированно. Когда мы говорим о соотношении собственно татарского военно-служилого слоя и крестьянского населения, мы должны учитывать, что политическая верхушка Казанского ханства посредством действия определенного социального механизма являлась частью более широкой общности. В качестве примера могу привести известный татарский *дастан* «Чура-батыр», который есть у всех кипчакоязычных народов. Он прекрасно показывает, что представители феодальной верхушки спокойно переходили из Крымского ханства в Казанское, Касимовское, а еще у них были сородичи где-то в Казахстане (Чура и туда ездил, по *дастану*).

Когда мы ведем речь о соотношении, о пропорциях *ясачного* крестьянского населения и политической верхушки, то должны учитывать, что на самом деле татарский слой был достаточно объемным. Он, так сказать, мог кого угодно ассимилировать, если была такая необходимость. Поэтому не случайно болгарский язык был ассимилирован достаточно быстро. В связи с этим я хотел бы сообщить об очень интересной работе (не все о ней знают) этнического татарина Ю.Шамильоглу по поводу роли «черной смерти» (чумы) XIV в. в исчезновении болгарского языка. Как известно, тогда от чумы сильно пострадало городское население Золотой Орды, а болгары имели достаточно сильные позиции в городских центрах Булгарского *вилаята*. Они, видимо, понесли большой урон. Ю.Шамильоглу показывает, что надгробные памятники с надписями на болгарском языке исчезли именно после эпидемии. Это важное наблюдение¹⁴.

Насчет плохого отношения к термину *татарин* у Мухаммедьяра. Довольно сложное явление. Скажем, в нашей татарстанской литературе существует позиция (и я ее поддерживаю), что на самом деле речь у него идет не столько о плохом отношении к татарской общности, сколько высказывается своеобразный взгляд урбанизированного, образованного человека на сословие татар – военное сословие. Это объяснялось в том числе и определенными противоречиями внутри Казанского ханства. Я думаю, что здесь не уничижение самого термина и не плохое отношение к татарам, а определенная социальная позиция.

Я хотел бы ввести в дискуссию еще один компонент, связанный также с образованием Казанского ханства. У нас почему-то до сих пор не обращают внимания на некоторые важные опубликованные идеи. В свое время А.Зеки Валиди Тоган обратил внимание на то, что правители Казанского княжества, которые сидели там еще до прихода Улуг-Мухаммеда (хан Золотой Орды, которого многие историки считают основателем Казанского ханства. – *Ред.*), имели определенные династические корни¹⁵. Он опирался на рукопись источника «Чингиз-наме», которой он располагал – более полную по сравнению с той версией, что опубликовал В.П.Юдин¹⁶. Рукопись до сих пор не издана, и наши попытки заполучить ее у дочери Валиди Тогана пока не увенчались успехом (она пытается опубликовать текст самостоятельно). Так вот, в этом источнике есть некоторые объяснения насчет казанского князя.

Кроме того, в источниках имеется довольно интересная информация относительно роли Шибанидов (потомков монгольского царевича Шибана, брата Бату и внука Чингисхана. – *Ред.*) в Среднем Поволжье еще до прихода Улуг-Мухаммеда – в частности о том, что Булгарский *вилает* в период правления хана Абу-л-Хайра (царствовал на территории современного Казахстана в 1428-1468 гг. – *Ред.*) подчинялся Шибанидам. Намеки на подобные восточные связи содержатся и в русских летописях. Если эти сюжеты учитывать при исследованиях, то можно получить более объемное понимание истории Казанского ханства.

Не должны мы упускать из виду и очень активную роль Ногайской Орды, об этом Вадим

¹⁴ Schamiloglu U. The end of Volga Bulgarian // Varia Eurasistica. Festschrift für professor András Rona-Tas. Szeged, 1991. P. 157-163.

¹⁵ Вэлиди Тоган Э. Башкорттарзын тарихы. Тэрк хэм тарихы. Эфэ, 1994, С. 24.

¹⁶ Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Факсимиле, пер., транскрипция, текстол. примеч., иссл. В.П.Юдина. А.-А., 1992.

Винцерович (Трепавлов. – *Ред.*) много написал¹⁷.

И.В.Зайцев: Я хотел бы сделать одно добавление. С моей точки зрения, мысль о переходе этнонима *татарин* в соционим и, добавлю, обратно очень продуктивна. Это, вообще, распространенное явление. Например, в Османской империи слово *турк* было синонимом понятия «мужик», «простолюдин», «человек, занимающийся сельским хозяйством», а человек приличный «турком» быть не мог.

И еще маленькое замечание относительно болгарского следа уже в поздней государственности. Сейчас мне приходится иметь дело в основном с рукописными, неопубликованными источниками, в том числе и арабграфичными, происходящими с территории Татарстана. И не мне первому бросилось в глаза, насколько часто встречается среди имен авторов, владельцев, читателей, переписчиков манускриптов *нисба* ал-Булгари. По сравнению с прочими она просто подавляюща. Думаю, что ее можно рассматривать уже не просто как *нисбу*, так как вряд ли этот элемент имени в данном случае обозначал место рождения. Скорее это был *лакаб* или *тахаллус*, т.е. своего рода литературный псевдоним как показатель того, что человек отождествлял себя с территорией современного Татарстана, пользуясь понятием «Булгар» как своего рода этногосударственной дефиницией.

Д.М.Исхаков: Я еще раз обращаю внимание на важность привлечения источников. Фактически ведь это два параллельных наименования одной и той же среды.

И.В.Зайцев: Совершенно верно.

В.В.Трепавлов: Коллеги, я на правах ведущего должен вмешаться, поскольку вопрос очень интересный, но время идет, и мы вынуждены перейти к следующему блоку тем. Он, конечно, связан с тем, о чем мы до сих пор говорили. Дальше выносятся на обсуждение такой ряд проблем: русско-казанские отношения в XV – первой половине XVI в.; степень русско-казанского военного противостояния и можно ли говорить о нападающей и обороняющейся сторонах. Видимо, весь этот комплекс военно-политических вопросов даст нам возможность затронуть и религиозный фактор, международный аспект, коалиционность, и, может быть, непосредственно взятие Казани. То есть теперь переключаем внимание на русско-казанские отношения и период «Казанской войны».

Н.И.Никитин: Знаете, меня эти вопросы как-то настораживают. Я их зачитаю еще раз: почему началась «Казанская война» – лозунги и реальные причины; степень русско-казанского военного противостояния, можно ли говорить о нападающей и обороняющейся сторонах. То есть как бы подразумевается, что не было ни обороняющейся, ни нападающей стороны; что одно дело – реальные причины, другое – лозунги. Вроде бы вопросы чисто риторические. Но я – думаю, что все, как всегда, не так просто.

Если подойти к этой проблеме в узких хронологических рамках, то получим один ответ, в более широких (лет, скажем, пятьсот и более) – ответ будет другой. Я начну с рамок более широких.

Если взять вообще вопрос о борьбе за гегемонию на территории Восточной Европы между различными государственными образованиями, в том числе и прежде всего Руси и сначала Волжской Булгарии, а потом Казанского ханства, то, конечно, те лозунги, под которыми велась «Казанская война», как и представление о нападающей и обороняющейся сторонах, снимаются сами собой.

Хорошо известно, доказано и сейчас мало кем не разделяется то обстоятельство, что в период средневековья, феодализма ни одно государство не могло быть суверенным, самостоятельным, сильным и крепким, если оно не расширялось территориально. То есть (позвольте мне здесь выступить с сугубо материалистических позиций) развитие производительных сил было в то время таково, что государству обязательно нужны были какие-то подпитки извне – либо путем территориальных захватов, чтобы расширять число подданных и получать новые источники сырья, прежде всего земли; либо, если государство было более примитивным, просто путем элементарного грабежа.

С этой точки зрения, если взять период достаточно большой (приблизительно с X по XVI в.), то, разумеется, нет стороны ни обороняющейся, ни наступающей. Несомненно, наступает та сторона, которая в данный момент сильнее. И подходить к этому с позиций современной морали и этики совершенно недопустимо. Такова была эпоха, такие были нравы, этого никто не стеснялся. Взять какую-то землю «за саблю», как тогда выражались, то есть захватить вооруженным путем – в этом не было ничего позорного. Наоборот, этим гордились, в победе видели благоволение высших сил: Господь Бог на нашей стороне! И именно путем завоеваний создано абсолютное большинство ныне существующих государств.

¹⁷ См.: Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М, 2001.

Если же взять период более узкий – скажем, XV-XVI в., то здесь, мне кажется, уже можно говорить о той стороне, которая в большей степени оборонялась или в большей степени нападала. При рассмотрении отношений Руси с тюркским миром, осколками Золотой Орды в то время проблема, мне кажется, решается однозначно: Русь едва-едва отбивалась от бесконечных набегов татар. Не зря же она строила *засечные черты*, тратила на это огромные средства. Ордынский *выход* вроде как был прекращен после *Стояния на Угре*, но на самом деле сохранялся вплоть до петровских времен, причем не только в пользу Крыма. Долгое время в XV в. какой-то выход давали и в Казань.

А.В.Виноградов: Это были *поминки*, а не *выход*.

Н.И.Никитин: Ну, назвать можно по-всякому, сути это не меняет. И, кстати, сами правители «осколков» Золотой Орды воспринимали поминки как дань и ничуть об этом не стеснялись говорить.

Ну, и бесконечные набеги. Я думаю, что существовало два типа татарских государств – Крым и Казань. Что их отличает и что сближает? Сближает то, что в их жизни, в их быту, в экономике играла большую роль набеговая система, вывоз огромного количества русского полона, который или заставляли работать на себя, или (чаще) продавали. Крымское ханство в данном отношении намного опережало царство Казанское – по той, наверное, причине, что экономически оно было менее развито. Там проживало значительное кочевое население, чего в Казани не было.

Но Казань смогла противопоставить русским более, может быть, выигрышную тактику. Такой конницы, как у казанских татар, Россия не имела. Поэтому русские не могли совершать аналогичные набеги. Русским нужно было собирать судовую рать, отплывать с большими припасами. Ну, а татары на своих конях, без обозов, проникали, как мы знаем, очень далеко – до бассейна Сухоны.

Не зря в произведениях того времени, дошедших до нас, казанская опасность ставится, пожалуй, выше, чем опасность, исходящая от *Перекопского царя*. Возьмем, например, «Казанскую историю», переписку Андрея Курбского и Ивана Грозного: русским доставалось «наипаче и горше всех от царя Казанского»¹⁸. Не думаю, что такие утверждения делались в расчете на какой-то пропагандистский эффект. На кого мог обращать такую пропаганду Курбский – на Ивана Грозного? Или автор «Казанской истории»? Это отражало реальные события.

Поэтому мне кажется, что вопрос о том, какая сторона непосредственно перед падением Казани была обороняющейся, а какая – наступающей, решать стоит однозначно. Конечно, казанская сторона была в данный момент стороной нападающей, а русская – обороняющейся.

А.Х.Бурганов: И пришла под стены Казани!

Н.И.Никитин: Да, а что же делать? Лучший способ обороны – наступление. Это не нами придумано.

А.Х.Бурганов: Аргументации, которая сейчас была высказана, мне представляется довольно примитивной, то есть научного обоснования нет. Я бы сослался на труд Вильяма Похлебкина...

Д.Ю.Арапов: Какой именно? (*Общий смех.*)

А.В.Виноградов: «Татары и Русь»?

А.Х.Бурганов: Да, «Татары и Русь»¹⁹.

Н.И.Никитин: «Капитальное» исследование!

А.Х.Бурганов: Ну, не капитальное, это очерк...

А.В.Виноградов: Списанный с Худякова²⁰.

А.Х.Бурганов: Сходство с Худяковым несомненное...

А.В.Виноградов: Это мягко сказано, там один к одному...

А.Х.Бурганов: Но там приводятся факты, приводятся даты и количество походов, которые были на Руси. Цель-то ведь состояла в том, чтобы захватить *подрайские земли* в Поволжье. Она была четко обозначена, и документально это доказано. Так что захватническая цель и агрессивность в этот момент – «в узком смысле», как вы говорите, – она для историков и читателей исторических трудов несомненна. Думаю, что особых оснований для идеализации политики Ивана Грозного нет даже у русских историков.

Д.Ю.Арапов: Уважаемые коллеги, давайте будем разбирать отдельно «деньги» и отдельно «стулья». Мы договорились с самого начала, что не будем выяснять, кто больший агрессор, кто меньший агрессор, кто был хуже – Крымское ханство или Казанское ханство. Я в данном случае буду достаточно объективным, поскольку благодаря современным исследователям в Российском

¹⁸ Сочинения князя Курбского. СПб., 1914. С. 168.

¹⁹ Похлебкин В.В. Татары и Русь. 360 лет отношений Руси с татарскими государствами в XIII-XVI вв., 1238 -1598 гг. (От битвы на р. Сить до покорения Сибири). Справочник. М., 2001.

²⁰ Имеется в виду: Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства. М., 1991.

Дворянском собрании совершенно точно доказано, что род Араповых имеет тюркское происхождение.

Давайте исходить из ряда факторов. Во-первых, сейчас вышла блестящая работа Д.Е.Мишина, посвященная институту *сакалиба* в исламском мире, в которой очень хорошо показан институт торговли рабами, в том числе славянами²¹. А разве сами русские князья, беря непрерывно вятичей в плен, не продавали их? Вопрос в другом: на каком-то этапе, и это тоже надо признавать, работорговля как таковая из Руси уходит, а в тюркских государствах сохраняется. Это характерно, кстати, и для Средней Азии. Стоит ли нам сейчас осуждать это явление или оправдывать? Задача историка – ни осудить, ни оправдать, задача историка – объяснить.

Во-вторых, по всем стратегическим исследованиям, в частности, по классическому определению генерал-фельдмаршала Д.А.Милютин, «надежный способ обороны есть наступательный образ действий»²². Сложный вопрос, кто здесь был прав, а кто не прав, давайте оставим за скобками. Давайте выявим другие вещи. Целый ряд коллег (а сейчас этим бросились заниматься и те, кто что-то об этом знает, и кто об этом, простите, ничего не знает) упорно пытается сравнить то, что происходило в Восточной Европе, с Испанией немного более раннего времени. Мне пришлось доказывать, что это не была *Реконкиста*, война Руси и Орды не носила религиозного характера. Да, в летописях могло это утверждаться. Но в действительности на Казань вместе с русскими православными войсками шли отряды касимовских татар-мусульман. Более того, ранее, на реке Шелони, когда Ивану III надо было побить новгородцев (в 1471 г. – *Ред.*), именно татарская конница нанесла решающий удар, после которого сорокатысячная новгородская рать рассыпалась.

И.В.Зайцев: Да и в Казани далеко не все были мусульманами.

Д.Ю.Арапов: Совершенно верно! Есть уникальное издание, сборник «История Татарии в материалах и документах» 1937 г.²³. Имен издателей там не указано: всех посадили – и русских, и татар, и евреев, остался один Рубинштейн. Так вот, в документах этого сборника очень хорошо показано, что в самом деле была война, жесткое противостояние, были достаточно жесткие законодательные решения – указы Ивана Грозного и Федора Иоанновича. Но посмотрим на события 1612 г. в Ярославле. Вот приходит в город отряд, состоящий из русских и татар. Вскоре половина тех и других остается, а половина отправляется промышлять разбоем.

Я думаю, не надо заикливаться на том, кто оборонялся и кто нападал. Год тому назад у нас была дискуссия по поводу И.Гаспринского (видный татарский просветитель. – *Ред.*), и Шамиль Фатыхович (Мухамедьяров. – *Ред.*) очень хорошо сказал: были герои с одной стороны и были герои с другой стороны. В 4552 г. одни защищались, другие нападали, но Всевышний всех примирил, понимаете? Этих людей уже нет. Мы – их потомки. Нам что, осуждать или оправдывать их? Осуждать ханов и оправдывать Ивана Грозного? Ну, а зачем его оправдывать? Мы можем объяснить причины, но это уже другой вопрос.

Н.И.Никитин: Боюсь, что я не всеми был здесь правильно понят. Разумеется, вы правы, Дмитрий Юрьевич, что нельзя оперировать такими понятиями, как «хорошо» и «плохо». Ненаучно это, некорректно. Даже в публицистике, по-моему, они недопустимы. Разумеется, говорить о том, что современные татары могут иметь какие-то претензии к современным русским из-за того, что их завоевали в 1552 г. ...

А.Х.Бурганов: Или русские к татарам взаимно.

Н.И.Никитин: Да, это тоже большая глупость – потому хотя бы, что это не те русские уже и не те татары. Вот вы, Дмитрий Юрьевич, говорили, что среди ваших предков есть татары. У меня тоже, кстати сказать, в роду есть татары.

В.В.Трепавлов: И у меня есть.

Н.И.Никитин: Это естественно: «поскреби русского – найдешь татарина». И наоборот (*Общий смех.*)

И все-таки я думаю, что есть качественное отличие в походах русских на Казанское ханство в XVI в. и в набегах казанцев и крымцев на Русь. Да, на Руси известны целые категории людей, которые жили разбоем, в том числе работорговлей. Это *ушкуйники*, всем хорошо известные, позднее казаки. Но на Руси не было сколько-нибудь значимых социальных сил, тем более на уровне государственных правителей, которые бы, как, допустим, в Крыму, жили и имели большой доход с

²¹ Мишин Д.Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире с раннем средневековье. М., 2002.

²² Милютин Д.А. Старческие размышления о современном положении военного дела в России (1909 г.) // Известия императорской Николаевской военной академии. 1912. № 30. С. 846.

²³ История Татарии в материалах и документах. Под ред. Н.Л. Рубинштейна. М., 1937.

этого. Я напомним время Василия III, когда пытались наладить отношения с Турцией (по наивности нашей), чтобы она как-то убедила Крым не совершать набегов на Русь. И вот когда соответствующий циркуляр из Турции пришел в Крым – дескать, хватит воевать с Москвой – крымский хан ответил: «Не велишь мне идти ни на московского, ни на волошского, так чем же мне быть сыту и одету?»²⁴. Это хан говорит, не казак и не ушкуйник! Вот принципиальное отличие двух государственных систем.

Д.Ю.Арапов: Уважаемые коллеги, ваш покорный слуга как преподаватель вынужден каждый год, хочу я этого или нет, читать со студентами «Повесть временных лет». Вот классический пример из нее. 907 г., взятие Константинополя. Нестор пишет: «...и ина многа творяху Русь греком, елико же ратнии творят»²⁵. Давайте честно скажем: когда идет война...

Н.И.Никитин: Тем более война в то время.

Д.Ю.Арапов: Совершенно верно. Русский солдат, китайский солдат, немецкий солдат, французский солдат ведут себя одинаково. Дисциплина в условиях боя кончается. Даже если есть жесточайший приказ соблюдать дисциплину, как в сражении добиться его выполнения? Когда шел бой, не только какие-то иррегулярные формирования, казаки, выходили из повиновения, но и регулярные части.

Н.И.Никитин: Вопрос о цели похода. Одна была цель: увести полон и «смыться» вовремя.

Д.Ю.Арапов: Ну, а какая цель похода? Когда Суворов брал Прагу (в 1794 г.; Прага тогда – предместье Варшавы. – Ред.), он отдал приказ сжечь мосты между Прагой и Варшавой. Даже Суворов понимал, что остановить своих солдат при всем своим грандиозном авторитете не сможет, потому что солдаты озверели.

Н.И.Никитин: Не это было целью его похода.

А.Х.Бурганов: Три дня всегда давали.

Д.Ю.Арапов: Нет, Прагу он не дал. Измаил дал, а Прагу нет.

И.В.Зайцев: В Измаиле грабить было нечего.

Д.М.Исхаков: Ни с той, ни с другой стороны агнцев не было. Некоторые авторы в Казани на «аптекарских весах» пытались «взвесить», кто больше нападал. В общем-то, если считать количество нападений с той и с другой стороны, то оно примерно равное. Поэтому ни у кого перевеса не было, и это ничего не объясняет в принципе.

Что касается особенностей политических действий, скажем, Крымского и Казанского ханств, то я согласен с предыдущими ораторами в том плане, что для Крыма захват живого товара был более важен. Это однозначно, потому что существовали южные рынки, куда этот товар поступал.

Д.Ю.Арапов: Более близкие.

Д.М.Исхаков: Более близкие, да.

В.В.Трепавлов: Турецкий гребной флот.

Д.М.Исхаков: К этому можно по-разному относиться, тут ничего не поделаешь. Вообще существовала такая экономическая система, и Крым был в нее включен.

Что касается казанской стороны, то я хотел бы привести один небольшой отрывок из «Зафарнаме-и Вилайет-и Казан». Там речь идет об оценке эпохи Сафа-Гирея, когда он правил в Казани. Это собственно татарская оценка. Автор прямо пишет: «Пойдя к приверженцам плохой религии и с извращенными понятиями, к нечестивцам, убив их, уничтожив, приводили бесчисленных пленных и несметные богатства. Так прошло много времени»²⁶. То есть татары понимали, что занимаются вот такими делами, и они это описали. Это факт эпохи.

Мне не кажется, что территориальный захват чем-то лучше увода живого товара, и я не сказал бы, что русские брезговали уводом живого товара. Я просто приведу цитату из С.М.Соловьева. Он пишет о событиях 1552 г.: «В Казани не осталось в живых ни одного из её защитников, потому что Иоанн повелел побивать всех вооруженных, а брать в плен только женщин и детей»²⁷. По источникам мы знаем, что большая масса людей просто была выведена с территории Казанского ханства. Куда их подевали – это другой вопрос. Но это означает, что русских живой товар тоже интересовал, и в этом плане ни одна сторона не имеет каких-либо преимуществ.

В.В.Трепавлов: Я хотел бы ответить на недоумение Николая Ивановича (Никитина. – Ред.) по

²⁴ Цит. по: Соловьев С.М. Сочинения. Кн. III, История России с древнейших времен. Т. 5-6. М, 1989. С. 269.

²⁵ Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 16.

²⁶ Шерефи Х. Указ. соч. С. 88.

²⁷ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 457.

поводу вопроса «круглого стола» о нападающей и обороняющейся сторонах. Как уже стало ясно из нашего разговора, тут далеко не очевидные вещи, поскольку, с одной стороны, происходили татарские набеги, с другой – ханство было в конце концов завоевано. И вам известно, что начинаются «калькуляции» (Дамир Мавляев [Исхаков. – *Ред.*] об этом упоминал): кто сколько раз на кого ходил, сколько было русских походов, сколько татарских набегов.

Н.И.Никитин: Ну, это несерьезно.

В.В.Трепавлов: Нет, Николай Иванович, такое явление есть в историографии сейчас.

Д.М.Исхаков: Особенно в политическом противоборстве это используется.

Н.И.Никитин: Но это не наука, по-моему.

Д.М.Исхаков: Да, это другое.

В.В.Трепавлов: В выступлениях Дмитрия Юрьевича (Арапова. – *Ред.*) и других участников намечился интересный поворот темы: насчет набегов. Сам термин *набеговая система* – это не просто обозначение разбойничьих нападений на порубежье. Система набегов известна как социально-экономическое явление на определенной стадии развития различных обществ. Хочу напомнить тезис Дмитрия Юрьевича о том, что в свое время в русской или скорее в древнерусской истории были сходные явления. В России набеговая система гораздо больше известна и привлекала внимание общественности в связи с Кавказской войной XIX в. Думаю, что набеги и крымцев, и казанцев не только были следствием потребности продажи рабов на рынках, но и отражали уровень социального и экономического развития ханств – объективно такой уровень, который Русское государство к тому времени уже миновало, как бы переросло.

Э.Л.Дубман: У меня ремарка насчет статистики. Я согласен с тем, что она довольно сложна. Например, В.Д.Димитриев подсчитал, сколько раз через территорию Чувашии ходили русские на Казанское ханство и казанцы на Русское государство. Количество примерно совпадает²⁸.

Мне кажется, что к середине XVI в. изменился, как сказал Андрей Николаевич (Сахаров. – *Ред.*), вектор геополитического развития в Восточной Европе, и Российское государство, российское общество должны были попытаться переломить те отношения, которые сложились раньше. Это происходит, видимо, из всей совокупности экономических, политических процессов, происходивших в самом обществе и в государстве. Мы видим, что в середине XVI в. и где-то до 80-х гг. осуществлялась чрезвычайно интенсивная внешняя политика, направленная и против Казани, и против Крыма, и против Ливонии и т.д. То есть фактически Российское государство на протяжении тридцатилетия находилось в войне со всеми. Что-то было выполнено, что-то нет, были успехи и неудачи. Но данное положение вполне соответствовало возможностям и потенциалам России (по крайней мере, на начальный период этого противостояния), и той, может быть, даже интуитивно понимаемой необходимости переломить здесь ситуацию.

И говорить о том, кто напал и кто оборонялся, нужно исходя именно из состояния тех обществ, тех социумов, которые находились в Восточной Европе.

А.Г.Бахтин: Имеющие распространение в историографии и особенно в публицистике попытки подсчета татарских и русских походов – это, конечно, не научный подход, не более чем вульгарная арифметика. Всегда надо учитывать, с какой целью предпринимались походы, каково было их предназначение, то есть смотреть на их качественную сторону, а не просто соизмерять, сколько и у кого больше или меньше. Но вопрос этот ставится, и я на основании своих материалов тоже взялся подсчитать количество походов. Не знаю, сколько насчитали в Казани, но у меня получилось татарских набегов за 110 лет, с 1438 г., то есть от прихода Улуг-Мухаммеда к Белеву (если считать это уже казанским вторжением), до 1549 г. 53-56. У русских с 1462 г. – 23-30.

Почему неточные цифры? Во-первых, сама методика подсчета в данном случае затруднена. Русские войска шли из нескольких центров к одному центру – Казани. Как рассматривать, скажем, движение по Вятке и по Каме – как один поход или два одновременных? В то же время татарские отряды шли из одного центра, но часто в разных направлениях, и опять сложно судить, один был набег или одновременно несколько. Очевидно, следует учитывать только разновременные нападения. Во-вторых, надо рассматривать не просто движение войск, но движение их с враждебной целью. Прохождение отрядов, скажем, для участия в совместных внешнеполитических мероприятиях или прибытие русской рати для *береженных* нельзя принимать во внимание.

Кроме того, в летописях есть упоминания, когда трудно понять, какие татары нападали – ордынские, казанские или крымские. Так, рассказывается о приходе татар на рязанскую *украину* в 1438 г. Это могли быть люди Улуг-Мухаммеда, но могли быть и ордынцы. То же самое о набеге 1445

²⁸ Димитриев В.Д. Чувашия в эпоху феодализма (XVI – начало XIX в.). Чебоксары, 1986. С. 28.

г., когда татары пришли «из черкас» для союза с Улуг-Мухаммедом, разграбив по пути город Лух. Считать ли это походом отдельным, совместным или вообще не принадлежащим к этой группе?

Таким образом, методика оставляет много вопросов. Она дает простор для фантазии, и кому хочется, чтобы было больше русских походов, тот считает так, а кто хочет доказать преобладание татарских набегов, считает иначе.

Тут уже прозвучало, что русские войска всегда шли с целью достижения какой-то политической цели. Грабили они попутно, потому что в то время армия кормилась *с ног*: все, что с собой взяли – съели, что-то по пути нашли – разграбили, захватили. Даже взятие Казани стимулировалось тем, что город отдали на разграбление. И когда Иван Грозный пытался унять эту бессмысленную резню, то его не послушались, потому что он посягнул на традиционное право воинов. Не надо забывать, что это были люди грязные, голодные, давно не видевшие женщин, и у них был стимул захватить город и разграбить его. Данный принцип и в Европе признавался очень долго, вплоть до XIX в., когда солдатам позволялось заниматься грабежом, и только уже в XX в. стали регулироваться вопросы отношения к мирному населению.

Так что ретроспективно, с нашей сегодняшней позиции, мы не должны считать виновной ту или другую сторону. И татары с черемисами творили в русских селениях разбой, и когда русские приходили, было много насилия и погромов.

Следует сказать, что изначальная цель русской политики в Среднем Поволжье – это заключение выгодного для России союза, и такая политика проводилась приблизительно до 1482 или даже до 1485 г. Я не считаю, что русские старались сразу же утвердить вассалитет. Даже поддержка царевича Касима в 1467 г., когда ему было оказано военное содействие в попытке занять казанский престол, еще не означает, что Русское государство хотело поставить Казань в вассальную зависимость. Ведь Москва поддерживала и некоторых крымских царевичей, оказывала им материальное и моральное содействие, но это не означает, что если бы ее ставленник стал крымским ханом, то Крым автоматически превратился бы в вассальное государство.

Выгодный для русских союз с Казанью был заключен, но хан Али (Алегам) не правил по договору, как говорится в летописях, то есть не соблюдал его условия. Видимо, эти условия как-то ограничивали суверенитет Казанского ханства, были в чем-то неприемлемы для казанцев. В итоге московские политики пришли к идее установления вассальной зависимости, а в конечном счете и протектората. Когда в 1487 г. воцарился ставленник Москвы Мухаммед-Амин, был заключен новый договор. Этот режим, наверное, еще нельзя назвать протекторатом. Все-таки был вассалитет, обусловленный договором. Но в интересах русской политики было поставить ханство в большую зависимость, и русская сторона вышла за пределы договорных условий, что вызвало возмущение среди казанцев и восстание 1505 г. В результате московское влияние прекратилось.

Однако у Мухаммед-Амина хватило разума для того, чтобы не развязывать длительную войну, и после нескольких своих побед над русскими он пошел на соглашение с ними. Фактически восстановились вассальные (а не протекторатные) отношения в соответствии с договором. То есть ситуация обрела прежнюю форму. И позднее Русское государство пыталось навязать Казани именно систему вассалитета или протектората, но ни в коем случае не завоевать.

Разные ученые называют разные годы перехода Москвы к политике завоевания: 1545 (В.Д.Димитриев), 1549 (С.Х.Алишев), 1550 (А.М.Ермушев, Р.Г.Фахрутдинов), 1551 (Б.Н.Флоря). Однако если посмотреть в летописи, то получается, что завоевание началось в марте 1552 г. или же в целом в период с января по март. Тогда в Казани самостоятельно или с московской подачи возникла идея объединения двух государств, и с таким предложением казанская знать обратилась к царю. То есть какая-то автономия для ханства в будущем предусматривалась.

Целый ряд обстоятельств указывает на это. Во-первых, на ханский престол в соответствии с прежней практикой в 1551 г. был посажен Шах-Али. Русские войска, за исключением небольшого отряда, предназначенного для *бережения*, были выведены из ханства. Во-вторых, между государствами была установлена четкая граница по Волге по фарватеру, и даже уточнялось: казанские рыбаки ловят рыбу, с той стороны, русские – с этой. Соответственно не видно никакого желания завоевания, хотя есть противоположные мнения (А.М.Ермушев, в частности, видит здесь меры по ослаблению Казани для последующего завоевания²⁹).

В сентябре 1551 г. Шах-Али рекомендовали, чтобы он «укрепил бы Казань крепко государю, да

²⁹ Ермушев А.М. Россия и Казанское ханство в 1533-1552 гг. Автореф. канд. дисс. Саранск, 1998. С. 13, 14; *он же*. К вопросу о захватнической политике России на востоке в начале 50-х гг. XVI в. // Обновляющаяся Россия: формирование нового гуманитарного пространства. Ч. 1. Саранск, 1997.

и себе, как Касимов городок, чтобы при нем и после его была неподвижна, и кровь бы на обе стороны престала навеки»³⁰. Обратим внимание на предполагаемую долгую перспективу существования ханства, отраженную в приведенной цитате: «и после его». Ведь Шах-Али был еще не старым человеком, то есть планировалось, что он процарствует до своей смерти, а после него еще кто-нибудь будет править.

И русские бояре считали, что ханство будет долго оставаться самостоятельной политической единицей с послушными, естественно, ханами – Шах-Али и его преемниками. В ноябре хану вновь был дан наказ, чтобы он «Казань крепко устроил государю, как Городок, чтобы кровь христианская не лилася»³¹, то есть из Казани пытались сделать подобие Касимовского царства. (Я в отношении Касимова употребляю термин «царство», потому что полноценного ханства как такового там не было, и факт правления в Касимове не давал человеку права титуловаться ханом).

Кроме того, результаты кампании 1551 г. показывают, что уже сам факт посажения в Казани Шах-Али, освобождения пленных и подчинения Горной стороны России уже считался окончательным решением казанского вопроса. Современники воспринимали те события как «светлую без крови победу» (выражение митрополита Макария)³². То есть в данном случае речь шла опять же о протекторате или вассалитете.

Мирная альтернатива не реализовалась. 9 марта 1552 г. произошла провокация: при попытке въезда в Казань царского наместника князя Микулинского городские ворота были закрыты. Скорее всего это были интриги обиженных касимовцев, которые распустили слухи о будущей резне. Но тот небольшой русский отряд, что подошел к Казани, не мог произвести там никакой резни. После этого казанская сторона начинает активные боевые наступательные действия.

Следовательно, когда попытка решить проблему старыми средствами – путем посажения на ханство непопулярного, марионеточного правителя Шах-Али – вновь не удалась, пришлось прибегнуть к вооруженной силе. Тут другого выхода у Москвы просто уже не оставалось.

Завоевывать Казанское ханство не было в интересах Русского государства, потому что было выгоднее иметь буфер безопасности, использовать его и получать какую-то выгоду в виде дани, условия для экономического сотрудничества, беспошлинной торговли, проезда рыбаков. Присоединение же ханства обернулось очень большими людскими и материальными потерями. Это оказалась и экономической обузой, ударом по бюджету страны, потому что длительное время местное население вообще не облагалось налогами. Туда приходилось постоянно направлять подарки для князей и прочей знати, чтобы удерживать ее в повиновении. Кроме того, границы России отодвинулись к кочевьям беспокойных орд – к ногайцам, которые не всегда были послушны Русскому государству, и к другим.

Так что это было вынужденным решением проблемы, когда все остальные способы реализации были исчерпаны.

В некоторых исследованиях пытаются доказать, что существовал план завоевания Казанского ханства. Все это строится на ретроспекции, когда последующие события переносятся в прошлое, как будто они были задуманы. Я специально рассматривал данный вопрос и не нашел подтверждений. Даже приводившееся здесь выражение *подрайская землица* – это всего лишь высказывание мелкого служилого человека Ивана Семеновича Пересветова, и даже нет уверенности, что Иван Грозный прочитал это сочинение.

И.В.Зайцев: И даже нет уверенности, что такой человек был.

А.Г.Бахтин: Ну, будем предполагать, что такой человек все-таки был. И даже предлагаемая им программа ушла далеко вперед от той политики, которую проводило правительство Сильвестра-Адашева. Пересветов предлагал создать боеспособную армию, что было реально для России, но по этому пути не пошли. Почему-то закрепилось также мнение, будто он выступал за завоевание земель для передачи их помещикам. Однако у Пересветова ясно написано, что нужно со всей земли доходы собирать в казну и уже из казны выплачивать непосредственным *воинникам*, помещикам³³. Это означало бы ликвидацию поместной системы. Создавалась бы регулярная армия, живущая только на жалование и постоянно заинтересованная в ведении войны.

А русские помещики не были заинтересованы в постоянной войне. Им землю свою надо было обрабатывать. Отсюда *нетчики*, дезертирство – они не хотели воевать. Десять тысяч дворянского

³⁰ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. СПб., 1904. С. 171; Ч. 2. СПб., 1906. С. 472.

³¹ Там же. Ч. 1. С. 172; Ч. 2. С. 473.

³² Там же. Ч. 1. С. 180; Ч. 2. С. 479.

³³ Сочинения И.Пересветова. М.; Л., 1956. С. 155, 175.

ополчения не явилось для похода в 1552 г.!

В.В.Трепавлов: Александр Геннадиевич по необходимости кратко изложил свою концепцию – как видите, очень четкую и при этом расходящуюся со взглядами многих историков на ситуацию середины XVI в.

Н.И.Никитин: Простите, но повис в воздухе один тезис. У русских цели политические, а у татар?

А.Г.Бахтин: Я согласен с вашей точкой зрения и высказывал такое же мнение. Цели у татар были, видимо, экономические, хотя там можно проследить и некую политическую направленность. В каком плане? Скажем, Вятка платила дань Казани. Поэтому выступления казанцев против Вятской земли, присоединенной к Московскому государству, могли диктоваться задачей вернуть ее в прежнее подчинение. Но опять же здесь преследовались в первую очередь экономические цели.

Н.Е.Бекмаханова: Я хотела бы привлечь внимание к научному наследию Н.В.Устюгова. После его смерти ученики опубликовали лекционный курс «Народы Средней Азии и Приуралья в XIII-XVIII вв.»³⁴. Большую ценность представляют также его монографии и статьи о башкирских восстаниях XVII-XVIII вв.

Н.В.Устюгов представил взвешенный взгляд на проблемы присоединения Поволжья, Казахстана, Средней Азии (как посредством завоевания, так и мирным путем), на управление ими в Московском государстве и в Российской империи. Опыт присоединения татарского и башкирского народов и управления ими учитывался правящими верхами России в ходе присоединения Младшего, Среднего и Старшего казахских *жузов* и Средней Азии. В восстаниях, которые охватили Поволжье и особенно интенсивно Башкирию в XVII-XVIII вв., принимали активное участие татары, казахи и другие народы региона. Причиной были земельные и водные ограничения на традиционных этнических территориях, насильственная христианизация, обязательная служба в иррегулярных войсках, налоги, тяжелая трудовая повинность на горных разработках, заводах, добыче и перевозке соли, дорожная и почтовая повинности, а также ограничения в использовании металла и изготовлении оружия.

Эти массовые движения привели к изменениям в формах присоединения национальных окраин к России. Изменились условия, на которых подписывались договоры о мирном присоединении казахов, киргизов, каракалпаков и других народов. Эти народы были освобождены от обязательной военной службы; не проводилась насильственная христианизация; были ограничены принудительные работы в горнозаводской промышленности и на соляных разработках.

Татары принимали активное участие в подготовке и в самом процессе присоединения, а затем в гражданском и военном управлении Казахстаном и Средней Азией – в качестве высокопоставленных чиновников, переводчиков, писарей, военнослужащих.

В данном регионе, хотя и не повсеместно, между присоединенными землями и метрополией складывались отношения протекторатного типа. В казахских *жузах* радикальное изменение управления произошло только на рубеже XVIII-XIX вв., а в Бухарском эмирате и в Хивинском ханстве – только в начале XX в.

В предыдущих выступлениях поднимался вопрос об институте вассалитета. Хотелось бы обратить внимание на то, что институт протектората имеет другие законы и недостаточно изучен для Российской империи. К этим проблемам надо относиться очень осторожно, необходимы новые теоретические исследования.

В связи с темой походов и набегов хотелось бы также упомянуть такое явление у кочевников, как *барымта* (насильственный угон скота и изъятие имущества). Это безусловно насильственная акция, совершаемая вооруженными людьми. Но одновременно это также традиционный элемент ведения кочевого хозяйства. То, что не производилось кочевниками, но было необходимо для их хозяйства и быта, приобреталось ими во время набегов – как на сородичей, так и на оседлые селения России и Средней Азии. Поэтому нельзя рассматривать *барымту* только как конфликт между кочевым и оседлым населением или как проявление межнациональной розни.

Нужно отметить, что после присоединения кочевых народов к России *барымта* стала также и социальным явлением. Взаимный угон скота и грабеж имущества практиковались и казачьим полиэтничным сословием, и кочевниками, статус которых был близок к сословию государственных крестьян.

Д.Ю.Арапов: Конечно, проблема имеет гораздо более широкий аспект. В связи с этим я

³⁴ Устюгов Н.В. Научное наследие. М, 1974.

вспоминаю монографию «Национальные окраины»³⁵, где она была поставлена, главы ваши (Н.Е.Бекмахановой. – *Ред.*) и покойного С.Г.Агаджанова. Затем очень интересную работу о Касимове О.В.Зотова из Института востоковедения РАН. Он писал о том, что Москва слишком неразумно уже к концу XVII в. свернула достаточно перспективную структуру «касимовской системы» вассалитета³⁶.

Что касается протектората, то вот, допустим, сидит вассальный хан. А насколько он контролирует ситуацию внутри государства – в той же Казани? Мы же знаем, что там были разные группировки, которые не только по отношению к Москве, но и по отношению друг к другу придерживались разных точек зрения. То есть Москва, Стамбул и Бахчисарай могли рассчитывать на одно, а в Казани они получали совершенно другие результаты. Та же сложность существует и в отношении Кавказа или Средней Азии. Всякий раз, когда к России присоединялась та или иная территория, вставал вопрос, готовы ли местные правители (неважно, мусульманские или христианские) подчиняться указаниям из Москвы или Петербурга?

Это уже более широкая постановка проблемы – что такое вообще Россия, имела ли она колонии, каково соотношение между ними и метрополией? П.А.Столыпин – фигура весьма неоднозначная – утверждал, что у России нет колоний. Во всяком случае Поволжье, Приуралье, Сибирь не рассматривались в таком качестве. Колониями можно считать Кавказ и Туркестан.

Еще я вспоминаю статью Вадима Винцеровича (Трепавлова. – *Ред.*) десятилетней давности, где ставились вопросы связи между царем московским, царем казанским...³⁷ Оказывается, мы можем говорить о складывании, очень условно говоря, триединой монархии. Царь московский никогда не смотрел на царя казанского, царя астраханского как на свою противоположность.

А.В.Виноградов: Мы забываем об одном очень интересном обстоятельстве. Если мы рассматриваем возможность существования Казани как протектората или государства, связанного вассальными отношениями с Русским государством, то должны обратить внимание на следующую деталь. На всем протяжении 60-х гг. XVI в. шли активные переговоры между Крымом и Москвой. Они были связаны с целым комплексом проблем и в частности с крымскими требованиями о восстановлении независимости мусульманских *юртов*, то есть Казани и Астрахани. В том числе речь заходила о совместном протекторате над Астраханью. Там и *мангыты* (тюркский знатный род. – *Ред.*) играли свою роль, и московские *амиаты* (союзники. – *Ред.*), крымские князья Сулешевы. Говорили даже о судьбе Касимова. После смерти касимовского хана Шах-Али крымцы ставили вопрос о том, что в условиях обострения своих отношений с Портой и под ее давлением (когда та требовала от хана разрыва отношений с Москвой, а это в свою очередь инспирировалось польско-литовской дипломатией) необходимо было принять хоть какое-нибудь решение по *юртам*.

Но никогда и ни при каких обстоятельствах не рассматривалось конкретно восстановление какого-то государства с центром в Казани, да еще во главе с представителем рода Гиреев – вопреки настойчивым и постоянным попыткам части казанской знати, закрепившейся в Крыму, поднимать этот вопрос на совещаниях при хане (*думах* русских источников). Очевидно, объяснение состоит в том, что Гирей на опыте пребывания своей династии в Казани пришли к выводу о невозможности реального существования этого государственного образования в какой-либо переходной форме и, может быть, оно действительно изжило себя. Крупнейшая татарская династия, единственная в Восточно-Европейском регионе, которая имела самое непосредственное отношение к Казанскому ханству и представители которой в течение достаточно длительного времени владели Казанью, занимала такую странную, на первый взгляд, позицию. Наверное, Гирей уже не видели перспективы существования Казанского ханства.

Предлагаю учитывать этот фактор как один из симптоматичных в судьбе Казанского государства. Данный вопрос по-моему, до сих пор в исторической литературе не рассматривался.

Д.М.Исхаков: По поводу судьбы Казанского ханства, по поводу того, был ли конкретный план его завоевания. Из русских летописей, по крайней мере, не вытекает, что был такой план. Даже после завоевания Казани еще обсуждался вопрос, что с нею делать. В некоторых татарских исторических песнях есть намеки на то, что Шах-Али сильно рассчитывал остаться в Казани и править, а

³⁵ Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. М., 1998.

³⁶ *Зотов О.В.* Московская Русь: геополитика в «сердце земли» (о ранней микромодели империи) // Россия и Восток: проблемы взаимодействия. Ч. 1. М., 1993.

³⁷ *Трепавлов В.В.* Россия и кочевые степи (проблема восточных заимствований в российской государственности) // Восток. 1994. № 4.

впоследствии, уже как бы задним числом, высказал большую обиду по поводу захвата города. Вот я читаю фрагмент (когда написана эта песня, не известно). Шах-Али заявляет русским так: «Я жил, считал вас друзьями. Оказалось, все-все вы враги мне». И ниже: «О дети мои, дети мои! Остаются они от нас в слезах. Деньги, остающиеся от нас, русские, приходя, забирают»³⁸. То есть какие-то надежды Шах-Али не были реализованы. Он достойно служил московскому царю, но обида здесь четко видна.

Что касается возможности восстановления Казанского ханства, то здесь я хотел бы подойти к вопросу с несколько, может быть, неожиданной стороны, исходя из моих демографических подсчетов. Я занимался подсчетами численности служилых татар в Казанском и Касимовском ханствах, а также воздействием феодальных войн на казанских феодалов. Выяснилось, что казанское служилое феодальное сословие во время войн XVI в. было фактически уничтожено³⁹. По моим данным, служилые татары в конце XVI-XVII вв. составляли среди татар 5-6, в лучшем случае 7 процентов. А в составе бывшего Мещерского *юрта* (то есть Касимовского ханства. – *Ред.*) они составляли процентов 40.

После того, как русские завоевали Казань, их главной – операцией была – и на это надо обратить особое внимание – христианизация казанских ханов. Фактически был разрушен каркас государства. Конечно, можно было бы привести откуда-нибудь большую массу народа, чтобы она служила государствообразующим слоем, но это уже гораздо более трудная операция.

Я думаю, что крымские Гирей, понимали все это, прекрасно представляя ситуацию.

А.В.Виноградов: Так что казанцев в Казани не осталось.

Д.М.Исхаков: Да.

А.Г.Бахтин: Один из крымских царевичей (имени не помню) после набега на Москву хана Девлет-Гирея (1571 г. – *Ред.*) собирался отправиться в Казань.

А.В.Виноградов: Это был Адыл-Гирей.

А.Г.Бахтин: Да, Адыл-Гирей. Но его отговаривали: как же ты будешь править, ведь казанцы такие непослушные. Это поставило его в тупик⁴⁰. Я думаю, что в Крыму, насколько бы ни была авантюристичной его политика, понимали, что Астрахань захватить более реально. Она ближе находится, и больше шансов ее удержать, чем столь отдаленную Казань, которая к тому же фактически окружена со всех сторон Русским государством.

Действительно, среди казанской знати было сильное сокращение. Но мы все-таки забываем, что оппозиция существовала еще очень долго, и главную роль в ней играли не татары, а черемисы. Интересно, что ногайский князь и крымский хан направляли своих агентов для переговоров к черемисам и татарам, но иногда к одним черемисам. Среди заговорщиков были даже служилые люди, принявшие православие, – и они пытались договориться с ханом о совместной борьбе, чтобы пришло крымское войско.

Так называемые Черемисские войны, которые велись с 1552 по 1592 г., ясно показывают, что борьба в Среднем Поволжье шла очень непростая, а само движение по составу было очень сложным. И немалую роль в нем играл национально-освободительный момент, особенно на начальном этапе.

Вот мы обсуждаем: вопрос о перспективе и возможности восстановления Казанского ханства. Видимо, такие идеи все-таки существовали, поскольку имелись силы, которые могли бы взяться за оружие для этой цели. Другое дело, что Крым не мог оказать реальной поддержки повстанцам.

И.В.Зайцев: Действительно, в Крыму такие идеи витали. Более того, они достаточно четко заметны не только во второй половине XVI в., но и в XVII в. Если взять, например, переписку хана Джанибек-Гирея, то он чуть ли не в каждом втором письме в Москву поднимает вопрос о том, как неплохо было бы Казань и Астрахань восстановить в качестве независимых *юртов*. Так что эта тема не была закрыта даже на момент похода Девлет-Гирея.

Но, мне кажется, мы забываем о том, что ведь Крым фактически признал присоединение Казани к России – после того как в ходе довольно длительных переговоров в обмен на признание нового статуса Казани и Астрахани хан согласился на добавку к максимальным ежегодным *поминкам*. И фактически последующее обсуждение этого вопроса в Крыму оказалось факультативным, поскольку решение уже было принято, и оно было зафиксировано на посольском уровне. А обсуждение, скажем, в начале XVII в. продолжалось, но никакой реальной почвы под собой уже не имело.

³⁸ Цит. по: *Измайлов И.* «...Казань-город на костях стоит» // *Родина*. 1998. № 2. С. 37.

³⁹ *Исхаков Д.М.* От средневековых татар к татарам нового времени. С. 229-232.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 123. Оп. 1. Д. 14. Л. 30 об.-31 об.

И здесь мы переходим к проблеме коалиции мусульманских государств. Совершенно очевидно, что никакой коалиции не было. Я предпринял попытку рассмотреть посольства из Казани в Крым в 1549 г. (полагаю, что было два таких посольства)⁴¹. Соответствующие тексты частично публиковались М.Н.Тихомировым и В.В.Трепавловым⁴². Может быть, стоит вести речь не столько о создании коалиции, сколько вообще о попытках казанцев в драматический период с конца 1540-х гг. до момента завоевания заручиться какой-нибудь дипломатической поддержкой государств, которые либо были враждебными Москве, либо по крайней мере не были ей дружественны.

В частности, мы знаем об этих посольствах 1549 г.; есть упоминания о том, что казанское посольство было в Польше, и по польским документам известна дата этого посольства – март-апрель 1551 г. Дальнейшая перспектива – попытаться найти документы в польских архивах. Мне пока этого не удалось. Но вполне возможно, что вопрос о создании коалиции или по меньшей мере поддержки Казани в войне с Россией на два фронта обсуждался, потому что ситуация в 1551 г. в общем была достаточно драматичной.

Но в принципе никакой коалиции мы, конечно, не видим. Никто Казань не поддержал, и казанская аристократия оказалась в одиночестве перед лицом усиливающегося Московского государства.

В.В.Трепавлов: Как вы знаете, это также общее место в историографии – будто бы султан хотел сколотить антирусскую коалицию. По источникам, и здесь я полностью согласен с Ильей Владимировичем, такого действительно не просматривается.

Ш.Ф.Мухамедьяров: Я хочу обратить внимание на ту ситуацию, которая «оконтуривала» взаимоотношения Казани и Российского государства в период подготовки и самого присоединения, завоевания ханства. Мы должны исходить из того, что обретение Москвой независимости от ордынских ханов в 1480 г. отнюдь не означало полного разрыва с татарами. В связи с пятисотлетием государственного герба России на самом высоком уровне прозвучал расхожий тезис о том, что двуглавый орел символизировал освобождение России от зависимости. Данный тезис не вполне верен, хотя и популярен. По-видимому, герб в определенной мере олицетворяет преемственность России от Золотой Орды.

И отношения Русского государства с Казанским ханством нельзя рассматривать только как противостояние. Ведь в тот период восточные элементы в структуре Московского государства не исчезли, они все время сохранялись (об этом уже говорилось в начале нашей дискуссии). Взятие Казани, а потом и занятие Астрахани в этом контексте означало не только включение этих территорий в состав России, но и признание Ивана Грозного законным правителем бывшей территории Золотой Орды.

Вадим Винцерович (Трепавлов. – *Ред.*) в свое время обратил внимание на то, что ногайские князья прямо обращались к нему как к потомку Чингисхана, хотя он и был таковым лишь по женской линии: «Великого Цингиз царев прямой род счастливой государь еси»⁴³. Это утверждение после того, как столицы Золотой Орды оказались в составе России, говорит о том, что отношения носили гораздо более сложный характер. О том же говорят и три короны – символы покоренных ханств (Казанского, Астраханского и Сибирского), которые в 1625 г. царь Михаил Федорович поместил над двуглавым орлом в государственном гербе. До взятия Казани только Иван III решался называть себя царем, но окончательно этот титул утвердился ведь позднее и приобрел настоящую весомость только после взятия Казани. С завоеванием «татарского царства», пишет С.М.Соловьев, «явился наконец царь на Руси»⁴⁴.

А что стало с понятием вообще Русской земли? Даже Н.М.Карамзин, основоположник современной российской историографии, считал, что после присоединения Казани то, что было Русской землей, становится Россией, и он даже называет ее «новой Россиею»⁴⁵. То есть по существу с включением ордынского наследия произошло формирование российской государственности.

В Казани уже на протяжении ряда лет отмечают день взятия города русскими войсками,

⁴¹ *Зайцев И.В.* Посольства из Казани в Крым 1549 года // *Orientalistica Juvenile*. Сб. работ молодых сотрудников и аспирантов. М., 2000. С. 84-98.

⁴² *Тихомиров М.Н.* Россия в XVI веке. М., 1962. С. 489-490; *Трепавлов В.В.* Приключения «Чудес творений»: из ханской библиотеки Казани в «либерию» Ивана Грозного // *Гасырлар авызы*. Эхо веков. 1999. № 3/4.

⁴³ Цит. по: *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. С. 630.

⁴⁴ *Соловьев С.М.* Указ. соч. С. 466.

⁴⁵ *Карамзин Н.М.* История государства Российского. Т. V-VIII. Калуга, 1993. С. 488.

причем толкуют это событие просто как противопоставление русских татарам или православных мусульманам. А здесь правильно было сказано, что это была отнюдь не религиозная война, и такое противопоставление совершенно не нужно. Но ведь получается так, что Россия тоже все время пытается официально праздновать годовщину Куликовской битвы как день победы русского оружия над татарами, хотя все было гораздо сложнее. И подобные примеры можно продолжать.

Конечно, создается определенное напряжение. Наш «круглый стол» должен способствовать деполитизации подхода к тем трагическим событиям XVI в. Очень важно, что здесь приводятся новые сведения, даются ссылки на документы. Это отвечает главной цели нашей встречи – помочь стабилизации межнациональных отношений (как об этом сказано в пресс-релизе «круглого стола»).

Д.М.Исхаков: Тут надо показать и татарскую позицию по отношению к коалиции. В источниках кое-что есть. Вот сочинение, которое я неоднократно цитировал, – «Зафар-наме-и Вилайет-и Казан». Кстати, по некоторым последним исследованиям, автором его был последний *сеид* (высший духовный иерарх. – *Ред.*) Казанского ханства, так что это важный источник. Там говорится о Казани: «Неоткуда ждать помощи и поддержки, кроме покровительства Господа миров, и помощи ангелов»⁴⁶. То есть казанцы понимали свое положение, то, что они остались одни.

Кое-что есть и в *баите* о Сююмбике – источнике, скорее всего, позднем, но вобравшем в себя какие-то ранние элементы. Вот слова Сююмбике: «Я говорила мурзам: нам надо знаться с Москвой. Если нам не будет притеснений, надо подчиниться, договориться, с сильным не воевать, не нарушать мирный договор, отдать богатство, не поднимать вопрос о войне»⁴⁷. Это как бы внутренний, татарский взгляд на проблему.

А.В.Виноградов: Мы должны еще учитывать династический фактор. Если говорить о возможности занятия казанского трона Гиреями, то надо иметь в виду, что они очень настороженно относились к появлению в своем ханстве возможного претендента (а попасть в Крым он мог только из Стамбула – такова была традиция отношений Бахчисарая и Порты). Пример: Девлет-Гирей I оказался в Бахчисарае как претендент на трон Казани. В результате переворота, который привел к гибели хана Сахиб-Гирея I, Девлет-Гирей остался царствовать в Крыму. Этот урок он запомнил на всю жизнь. Он прекрасно понимал, что даже теоретическая возможность присылки из Стамбула в Крым царевича для Казани могла привести к тяжелым для него последствиям.

Кроме того, факт истребления Девлет-Гиреем I наиболее серьезных соперников-сородичей в борьбе за власть (я имею в виду детей казанского хана Сафа-Гирея) тоже весьма многозначителен.

Есть также важные вопросы относительно прочих претендентов на казанский престол со стороны Шибанидов. Там свою роль сыграла позиция ногайских князей. В книге В.В.Трепавлова это достаточно подробно описано.

То есть трагедия казанцев заключалась в том, что им очень трудно было найти правителя, который возглавил бы их в решающий момент. Правда, выход был найден в ходе поисков главнокомандующего среди ногайских мурз – в духе соответствующей традиции. Но это, на мой взгляд, не привело к положительным результатам. В итоге сопротивление началось снизу, что, в общем-то, крайне негативно сказалось на централизованности в действиях восставших, которые в течение последующих десяти лет были подавлены русскими войсками.

Д.Ю.Арапов: Продолжая то, о чем говорил Илья Владимирович (Зайцев. – *Ред.*), я хочу отметить следующее. Может быть, кто-нибудь из вас знаком с неопубликованной рукописью И.Б.Грекова, посвященной международным отношениям в Восточной Европе XVI в. Мне в свое время пришлось писать на нее рецензию для издательства «Восточная литература». Игорь Борисович заходил и дальше, в начало XVII в. Там приводятся очень любопытные факты. В Восточной Европе сложился своеобразный четырехугольник: Москва-Варшава-Стамбул-Стокгольм. Ситуация в регионе все время менялась. Скажем, в ходе Ливонской войны Варшава и Вильно «сливаются» в одно государство. Это не очень понравилось Стамбулу. А когда в России наступает Смута, когда на московский престол приглашают поляка Владислава, турки проявляют еще большее недовольство. Тогда уже никто не думал о восстановлении Казани – наоборот, в Стамбуле, как пишет И.Б.Греков, больше всего боялись объединения Польши, Литвы и России. Русских дипломатов заверяли, что крымский хан нападет на Литву и Польшу и тем поможет русским изгнать поляков.

То есть в этом отношении Илья Владимирович совершенно прав: Казань была своего рода разменной картой.

А.В.Виноградов: Зачем далеко ходить за примерами? В 1569 г. Речь Посполита фактически

⁴⁶ Шерефи Х. Указ. соч. С. 87.

⁴⁷ Татар халык ижаты. Бейтлер. Казан, 1983. С. 31.

отказалась пропустить турецкие войска через свою территорию. Польские послы в Стамбуле и в Бахчисарае тогда заняли резко негативную позицию в вопросе о восстановлении Казанского и Астраханского ханств.

В.В.Трепавлов: Коллеги, я предлагаю двигаться дальше. У нас осталась проблема присоединения к России территорий Казанского ханства с нетатарским населением. К ней примыкает тема повстанческих движений в Поволжье. Мы все знаем, что Казанское ханство было государством многонациональным. Как бы мы ни трактовали завоевание стольного города – был план или нет, но в самом начале 50-х гг. экспансия в земли чувашей и марийцев действительно осуществлялась, и довольно стремительно по историческим меркам.

Ш.Ф.Мухамедьяров: Можно реплику? В Казани Б.Л.Хамидуллин выпустил хорошую книгу «Народы Казанского ханства», этносоциологическое исследование той эпохи⁴⁸. Все эти народы описываются отдельными главами – и чувашаи, и марийцы, и другие, приведена вся историография.

В.В.Трепавлов: Ведущий эксперт именно по данной проблеме – это, конечно, А.Г.Бахтин, автор интересной монографии и диссертации⁴⁹. Наверное, у Александра Геннадьевича есть что сказать по этому поводу.

А.Г.Бахтин: Постараюсь кратко. Вопрос, конечно, большой. Раньше в литературе нетатарское население почему-то не рассматривалось, как будто в ханстве жили одни татары, а роль других народов была небольшой. В первую очередь мы должны говорить о чувашах, марийцах и удмуртах, которые соприкасались с Русским государством. Получилось так, что отношения этих народов с Казанью и с Москвой складывались не одинаково.

Горная сторона (правобережье средней Волги. – *Ред.*) была менее связана с Казанью, там было очень сильное экономическое и культурное влияние русских. Близко находились русские города (первый – Курмыш), граница проходила по Суре. Потом в 1523 г. построили Васильсурск. Часть чувашей и марийцев вошла в состав Российского государства, приняла подданство. Анализируя казанские набеги, я обратил внимание на то, что в южной части региона не отмечено активного участия чувашей и черемисов в этих набегах. Тогда как луговые черемисы, жившие севернее, к северу от Волги, были больше задействованы в казанской политике. При описании набегов эти черемисы постоянно упоминаются, причем иногда даже перед татарами. В одном из источников сказано: пошли татары по реке Сухоне и с ними «везде неизбежно черемиса хождаше»⁵⁰. «Неизбежно хождаше» означает, что марийцы всегда ходили с татарами и являлись их активными союзниками.

Как я сказал, политическое и экономическое влияние казанских властей на Горной стороне было гораздо меньшим, чем на Луговой стороне (левобережье средней Волги. – *Ред.*). Кроме того, через Горную сторону проходили удобные пути в Крым, Ногайскую Орду, на Русь, там постоянно проезжали различные посольства. А в то время действовала система, по которой население должно было их обеспечивать всем необходимым. Кстати, Ш.Ф.Мухамедьяров в своих ранних работах хорошо показал, что эта повинность была наиболее тяжелой, так как проезжающие, которых должны были обеспечивать местные жители, часто творили произвол и занимались грабежами⁵¹. Например, проход ногайской делегации – это был чистый грабеж. Ногайцы на обратном пути грабили и русских, и чувашей, и всех, кто им попадался на пути. С ними посылали специальные эскорты, чтобы как-то ограничить такие действия.

Конечно, это вызывало недовольство населения Горной стороны. Оно пряталось по оврагам, старалось жить вдаль от дорог. А.Курбский отмечал, что можно не увидеть селения, спрятанного при крепости в лесах или оврагах, даже «поблизку хождаше»⁵². А на Горной стороне таких лесов и оврагов много.

То же касается и перемещений войск. В Казани практиковалось обеспечение находящихся здесь отрядов за счет местных жителей. Ну и естественно, что когда двигались татарские или русские отряды, то путь через Горную сторону оказывался самым коротким и удобным, потому что на

⁴⁸ Хамидуллин Б.Л. Народы Казанского ханства. Этносоциологическое исследование. Казань, 2002.

⁴⁹ Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998; *он же*. Русское государство и Казанское ханство: межгосударственные отношения в XV-XVI веках. Автореф. докт. дисс. М., 2001.

⁵⁰ Соловецкий патерик. Цит по: Кунцевич Г.З. История о Казанском царстве или Казанский летописец. СПб., 1905. С. 310.

⁵¹ Мухамедьяров Ш.Ф. К вопросу о положении крестьянства в Казанском ханстве // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 122. Кн. 2. Казань, 1962. С 157.

⁵² Сказания князя Курбского. Ч. 1. СПб., 1833. С. 18.

Луговой стороне движению мешали водные преграды, болота, да и поход по Луговой стороне совершался в местности, менее освоенной в экономическом отношении.

Таким образом, население Горной стороны разорвалось, даже не ведя боевых действий. Оно оказалось как бы между молотом и наковальней и не могло дольше существовать в таких условиях. Тем более что Казань уже не могла его защитить.

Русские могли держать оборону от крымских татар по Оке, а казанцы обороняться по Волге не могли в силу слабости флота. У русских был лучший флот. Благодаря участию судовой и конной рати Волга не становилась непреодолимой преградой для московского войска. Поэтому Горная сторона при наступлении русской армии фактически отдавалась татарам противнику. Было сражение с русскими в восточной части Горной стороны, в районе Свяги, и местные воины не получили никакой поддержки из Казани, хотя они были способны неплохо биться на стороне хана (вспомним хотя бы разгром флотилии Ивана Палицкого в 1524 г.).

В конце концов все это привело жителей Горной стороны к мысли о поиске выхода из сложного положения. И тогда они стали смотреть, кто сильнее. Есть предание марийцев о богатыре Акпарсе. К сожалению, его используют обычно только марийские историки, а остальные игнорируют. Это замечательный памятник, я бы даже назвал его марийской летописью. Предание очень близко к действительным историческим событиям, хотя и записано в XIX в. В нем указывается, как производился выбор. Ведь марийцы долго думали, кому им подчиниться. Они послали разведчиков в Москву. Когда те вернулись, то сказали, что в Казани часто ханов меняют, там порядка нет, постоянные убийства, склоки и прочее; а в Москве царь сидит крепко, его слушаются, казна богата, войско большое. И они решили принять сторону Москвы⁵³.

Но это не было добровольным вхождением в состав Русского государства. Имел место союз, вместе с казанской оппозиционной знатью, с целью помочь Москве посадить на казанский престол Шах-Али (имеется в виду прежде всего посольство в Москву 1546 г.). Присоединять же свои земли к России у населения Горной стороны первоначально намерения не было. Долгое время оно пребывало в ожидании, в состоянии нейтралитета. Формально не выходило из подчинения Казани, но и не поддерживало ее, не принимало активного участия в военных действиях, хотя русские войска и продолжали разорять его территорию в качестве превентивной меры.

Когда в 1551 г. встала крепость Свяжск, *горные люди* поняли, что надо определяться, и обратились к Шах-Али, а потом через него к воеводам и к Ивану IV с просьбой о принятии их в русское подданство. Но это было скорее вынужденной мерой, так как они окончательно убедились, что сила на стороне России. К тому же надо учитывать, что чувашаи и марийцы, жившие ближе к России, были больше заинтересованы в связях с ней. То население, что жило за Свягой (в основном татарское), встречало перемены не столь радостно; позднее там произошло восстание, которое, правда, быстро подавили.

Таким образом, население Горной стороны не встало на сторону Казани и потом активно участвовало в борьбе против нее. Это послужило одной из причин исхода первой Черемисской войны. Несмотря на то, что в этой войне казанцы захватили инициативу, действовали на Горной стороне и держали там в блокаде русские города, все равно местные жители не поддержали восставших. Стоило появиться русской рати, как повстанцы вынуждены были отойти на левый берег Волги. *Горные люди* обманули их предводителя, сотенного князя Мамич-Бердея, опоили, схватили и выдали русским.

В то же время на Луговой стороне отношения выстраивались по-другому. Луговые марийцы были теснее связаны с Казанью, заинтересованы в союзе с нею и защищали свои земли от русской колонизации, которая проникала сюда. В основе их хозяйства преобладали охота и лесные промыслы. Колонизация в Ветлужский бассейн сужала их экономическую базу. Все это, конечно, осложняло отношения с русскими. Притом луговые марийцы привлекались к казанским набегам, и участие в набегах, продажа пленных рабов стали частью их экономики. Не удивительно, что во время русских походов по марийским землям в 1552 г. много пленных «выбежаша» из марийских селений⁵⁴.

⁵³ См.: *Айплатов Г.Н.* Навеки с тобой, Россия. О присоединении Марийского края к Русскому государству. Йошкар-Ола, 1967. С. 88-90; *Четкарев К.А.* Марийское предание об Акпарсе. Из истории покорения Казани Иваном Грозным // Ученые записки Марийского НИИ. Вып. 7. Йошкар-Ола, 1955. С. 33-80; *Димитриев В.Д.* Чувашские исторические предания. Ч. 1. Чебоксары, 1983. С. 61-63.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 211; Ч. 2. С. 507; Т. XXIX. М., 1965. С. 187; *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 212; Казанская история. С. 133.

Луговые мари́йцы оказались самыми стойкими защитниками ханства и сражались даже после того, как татары прекратили сопротивление. Объяснение кроется, видимо, в этике феодального вассалитета. Татары жили в условиях феодального общества и признали нового сюзерена в лице русского государя, в то время как у мари́йцев происходило разложение родового строя, и для них эти понятия были чуждыми. Они сражались за свою независимость, за свою землю. И еще очень долго русские воспринимались ими как завоеватели.

Д.М.Исхаков: По поводу позиции *горных людей* мне хотелось бы высказать не совсем традиционную точку зрения. Мы недостаточно хорошо знаем внутреннее деление Казанского ханства. И большой вопрос, куда отнести Горную сторону в этом делении. Мы знаем о существовании пяти *дорог* (провинции. – Ред.), но эти *дороги* как-то мало выходили на Горную сторону. Мне кажется, что Галицкая *дорога*, которая примыкала к Волге, имела выход и на правый берег.

Это важно в связи с тем, что Галицкой *дорогой* владел клан *аргынов*. Известный Чура Нарыков был из этого рода. Обращаю ваше внимание на то, что Чура Нарыков сначала был на стороне хана Сафа-Гирея, а потом перешел на сторону Шах-Али и был убит за это Сафа-Гиреем. Аргыны имели весьма прочное положение в Касимовском ханстве. И вот я думаю, что, может быть, кроме собственной позиции *горных людей*, *ясачников*, имела значение и позиция самих татарских феодалов, которые оказались более близкими к Москве в связи с существованием у них родственников, игравших важную роль в Касимовском ханстве. Мне кажется, данный фактор в качестве гипотезы может рассматриваться.

И второе. Есть один историографический вопрос, я просто его обозначу. Сам я ответа пока не нашел. В Башкортостане всегда пишут о том, что башкиры добровольно присоединились к Московскому государству и что ими в связи с этим была получена масса жалованных грамот (хотя подлинность и аутентичность всех этих грамот вызывает определенное сомнение). Однако после «добровольного присоединения» мы видим, что Ногайская Орда спокойно собирала дань с *иштеков*, якобы перешедших на сторону русских. Думаю, по этому вопросу в дальнейшем необходимо внести какую-то ясность, во всяком случае работать в этом направлении. И, возможно, башкиры просто поторопились объявить себя добровольно присоединившимися.

А.Г.Бахтин: Я хочу добавить по поводу позиции татарской знати. Еще М.Н.Тихомиров указывал на то, что эта позиция определялась наличием земель части татарских феодалов на Горной стороне⁵⁵. Я не совсем согласен, потому что многие активные противники Русского государства проживали как раз на Горной стороне. Есть упоминание об убийстве семьи князя Тевекеля на Свяиге, специальные отряды направлялись на Свяигу для погрома этих земель⁵⁶. Затем, есть сведения, что когда русские пришли строить Свяжск, то «князья их и мурзы» (то есть все это татарская знать) убежали «во осаждение» в Казань. Но позже, когда в Свяжск пошли *челобитчики*, то упоминаются поименно и татарские князья с мурзами⁵⁷. Наверное, кто-то из них убежал, а потом вернулся.

Так что тут надо осторожно подходить, хотя необходимо учитывать настрой татарских аристократов. Разумеется, имея на Горной стороне свои земли, свои поместья, они должны были определять свою позицию по отношению к Русскому государству. И находились они в сложном положении, потому как и Казань рядом, и свои интересы есть, но в то же время усиливается влияние русских на Горной стороне.

Целый ряд факторов должен учитываться при исследовании этой ситуации. В.Д.Димитриев предложил новую формулировку для своей старой концепции. Теперь он утверждает, что имело место «мирное, по *челобитью*, присоединение»⁵⁸. Я считаю такой подход не вполне убедительным. Естественно, было мирное присоединение Горной стороны, но мы не можем отдавать приоритет только одному этому обстоятельству. Само *челобитье* произошло после того, как русские войска были введены на Горную сторону, крепость (Свяжск. – Ред.) поставлена, и население убедилось, что сила на стороне Русского государства.

⁵⁵ Тихомиров М.Н. Российское государство XV-XVII веков. М, 1973. С. 104.

⁵⁶ ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 147; Ч. 2. С. 446; Т. XX. Ч. 2. СПб., 1914. С. 464, 465; Т. XXII. Ч. 1. СПб., 1911. С. 525; Т. XXIX. С. 46; *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 158.

⁵⁷ Казанская история. С. 88; ПСРЛ. Т. XIII. Ч. 1. С. 164, 165; Ч. 2. С. 466, 476; *Татищев В.Н.* Указ. соч. С. 173, 174.

⁵⁸ *Димитриев В.Д.* Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. Чебоксары, 2001; *он же.* Правда о предпосылках и процессе мирного, по челобитью, присоединения Чувашии к России // Известия Национальной академии наук и искусств Чувашской Республики. 2001. № 1.

Кроме того, следует помнить о том, что после начала строительства Свияжска русские отряды были распущены для грабежа, разорения этой территории. И жители сразу же явились в новую крепость с *челобитьем*. То есть фактор военного давления присутствовал. Таким образом, присоединение Горной стороны произошло мирно, но в силу обстоятельств вынужденно.

Ну, а Луговая сторона подверглась завоеванию, это несомненно. И как я уже говорил, повстанческое движение там поначалу носило национально-освободительный характер – за восстановление Казанского ханства, а социальные мотивы в нем стали проявляться лишь впоследствии.

Раньше у нас писали об «антифеодалном восстании против своих и чужих феодалов» или же о «крестьянском выступлении против феодального гнета». Ну какой гнет – национальный, социальный, культурный – мог там наступить в течение двух-трех недель?! Из Казани войска стали выводиться после 10 октября 1552 г. Полностью территорию завоеванного ханства они покинули примерно к началу ноября. И уже в ноябре происходит восстание (в декабре в Москву поступило сообщение о нем как уже о подавленном мятеже). То есть должно было пройти какое-то время для организации движения. Причем, первыми его начали черемисы, а потом во главе встали татары. Но после того, как татары потерпели поражение, во всех последующих движениях до 1592 г. фактически главную роль играли луговые черемисы.

Мухамедьяров Ш.Ф.: Мне хочется дать еще небольшую историографическую справку. Довольно развитый в советское время тезис о добровольном вхождении народов Поволжья и Приуралья в состав России, оказывается, попал в литературу с легкой руки М.Н.Тихомирова, когда он в 1950 г., выступая с докладом по проблемам истории чувашского народа, конкретно отмечал факт «добровольного присоединения Чувашии к России», что якобы означало, по его мнению, для чувашей именно «спасение от грабительских казанских набегов» и «возможное облегчение повинностей и ясака»⁵⁹.

Данный тезис, к сожалению, получил тогда широкое развитие: все народы бывшего Казанского ханства отмечали юбилей своего «добровольного присоединения», получали ордена... Андрей Николаевич (Сахаров. – *Ред.*) в своем выступлении совершенно правильно сказал, что подобный подход сейчас находится фактически за гранью современной науки. И действительно, как только что показал профессор Бахтин, процессы были гораздо сложнее.

В наше время в учебной литературе уже отсутствуют агрессивные позиции в оценке событий 1552 г., по крайней мере такие высказывания уже являются просто какими-то историографическими курьезами. В последних учебниках, которые вышли с подачи А.Н.Сахарова, говорится уже о героической защите Казани в 1552 году и о трансформации России после ее падения в захватническое государство⁶⁰. Стало быть, в этом отношении методологические подвижки у нас есть. Мы хотим точного соответствия историческим фактам. И те новые данные, что здесь приводятся, углубляют наши представления о том времени. С одной стороны, это показывает большую сложность ситуации, с другой – дискуссия носит сугубо научный характер. То есть выстраивается правильная, справедливая, сбалансированная концепция. А это самое главное, по-моему.

Н.Е.Бекмаханова: Я хотела бы сказать о значении присоединения Астрахани и Казани для окружающих народов, в том числе для башкирского народа, для казахов и каракалпаков. Вот ставится вопрос о мирных формах присоединения, которые вы связываете с некоторым военным давлением. А я бы обратилась к источникам. Мне кажется, что опыт завоевания Казани и последующих взаимоотношений населения бывшего Казанского ханства с российскими административными институтами оказал огромное влияние на процесс дальнейшего присоединения территорий, его формы, и на отношения с теми народами, которые я назвала.

Во-первых, очень четко просматривается правовая, юридическая основа присоединения, ее невозможно отрицать. Вы говорите, что можно поставить под сомнение акты, заключенные между этими народами и российским правительством. Получается, что это были единовременные, случайные документы, а сам народ оказывался непричастен к процессу вхождения в состав России. Я считаю, что это глубокое заблуждение. Народ всегда знал, что ему нужно, что он защищает и под эгиду какого народа идет. Он всегда свою выгоду видел и понимал. Например, казахи ведь не пошли под эгиду Китая, Хивы, Бухары, Коканда. Они выбрали Россию. Это говорит о том, что предыдущие

⁵⁹ Тихомиров М.Н. Присоединение Чувашии к Русскому государству // Советская этнография. 1950. № 3.

⁶⁰ См.: Султанбеков Б.Ф. Какой истории будем учить? // Единство татарской нации. Казань, 2001. С. 83.

взаимоотношения и исторический опыт, который был у народа, опыт взаимоотношений, все-таки свидетельствовали о правильном выборе народа.

Во-вторых, о том, как заключались акты. Они совсем не были единовременными. *Шерти* (договоры. – *Ред.*) подтверждались каждым небольшим родоплеменным подразделением ежегодно. Их подписывало, ставило *тамги* огромное количество старшин. Затем приносилась клятва и устраивалось большое общественное мероприятие, громадный *той*, с присутствием представителей двух народов, где подтверждались данные в *шерти* обещания и согласие выполнять их. Все это лежит на поверхности и очень четко прослеживается по архиву РГАДА.

Сегодня казахи тоже пытаются пересмотреть мирные формы присоединения. Пускай слово «добровольное» отсутствует, но все же это были мирные формы, и было, я бы даже сказала, «голосование ногами» в какую-то сторону в трудные минуты – когда, например, джунгары наступали. Ведь казахи шли за помощью к русским, и те им открывали крепости, предоставляли питание, военную защиту. И наоборот, когда русские войска шли на юг покорять Кокандское и Хивинское ханства, то половину сопровождающих армию, снабжающих ее составляли казахи, каракалпаки, узбеки. Так что это совсем не простой и не однозначный вопрос.

Шамиль Фатыхович (Мухамедьяров. – *Ред.*) критически оценил юбилейные мероприятия в союзных и автономных республиках СССР по поводу присоединения их к России. В выступлениях на торжествах, на научных конференциях, материалы которых публиковались, преобладала позитивная оценка присоединения и его последствий. Это было связано с выделением из союзного бюджета средств на проведение торжеств, получением юбилейных наград. Здесь с критикой можно согласиться. Но одновременно в советской историографии шла серьезная и глубокая работа по проблеме присоединения, основанная на архивных материалах. Реальный исторический процесс присоединения отображался таким, каким он просматривался по источникам: для запада и востока Казахстана, севера Киргизии отмечались мирные формы присоединения, для юга Казахстана и значительной части Средней Азии преобладающими были военные формы. В многотомных академических изданиях, в архивных документах, опубликованных в Российской Федерации и союзных республиках, отражена именно такая, объективная концепция. Она же нашла развитие в монографических исследованиях специалистов по данной проблеме в академических институтах союзных республик.

Критической оценке можно подвергнуть некоторые оценки итогов, последствий присоединения народов к России, хотя и здесь было сделано много рационального.

Д.Ю.Арапов: То, что сказала Наиля Ермухановна, я хотел бы развить в связи уже со второй частью нашей дискуссии, в связи с формированием российской системы управления и опять-таки поставить вопрос об источниках. Есть работа, о которой мы уже говорили, – «История Татарии в документах и материалах». Ее тираж 5 тысяч экземпляров, это библиографическая сверхредкость. Я понимаю, конечно, ситуацию. Я знаю, что в Казани денег на науку дается больше, чем в Москве.

Д.М.Исхаков: Зря вы так думаете.

Д.Ю.Арапов: Но все-таки в среднем больше.

Н.И.Никитин: На душу населения больше. (*Общий смех.*)

Д.КХАрапов: Сейчас ведь ситуация такая: речь идет о репринтном издании не только дореволюционных, но и уже каких-то советских публикаций. А документы в этом сборнике великолепные! Одной из рекомендаций «круглого стола» мог бы быть пункт об издании его в практической плоскости.

Второй вопрос. Когда мы говорим о формировании российской системы управления в Поволжье и в частности в Казанском крае, то нужно принимать во внимание архивные фонды, которые, на мой взгляд, недостаточно оценены. В прошлом и в этом году мне пришлось достаточно плотно работать в ГАРФе с фондами Третьего отделения и Департамента полиции. С материалами Департамента полиции проще – там есть индексы, а вот у Третьего отделения индексов нет. И когда я начал просматривать все фронтально, то обнаружил ряд ценнейших документов по истории Казанского края, в том числе о российской политике по отношению к татарскому населению и к мусульманскому фактору. Я позволю привести для примера один короткий текст.

Пишет предшественник современного руководителя органов госбезопасности, а тогда это начальник Казанского жандармского управления. 1884 год. Текст, естественно, субъективный. «Казанские татары, купцы и торгующие преданы правительству и государю, но их большое место – религия. И если не трогать это большое место (его можно и не трогать), татары не примут участия ни в каком антирусском движении». Дальше идет речь о линии поведения органов государства, в частности полиции: «Они должны себя вести крайне тонко в столь деликатном вопросе, как

религиозный, который следует по возможности избегать, а если поднимать, то очень умело и осторожно»⁶¹.

Часто говорят: власти давили инородцев. Но случалось по-разному. Бывало, что и православная церковь давила. Вот был такой «замечательный» казанский губернатор Боярский, я читал его записки. Это один из наиболее жестких известных мне «противомусульманских» документов. У Боярского было заветное желание запретить *хаджж*, но он вынужден был признать, что по «природе своей» мусульманское паломничество «не поддается уничтожению», и написать: «Но это мы сделать не можем»⁶². Вместе с тем есть ряд других документов, которые свидетельствуют о том, что политика московская и политика Российской империи, особенно начиная с Екатерины Великой, была весьма гибкой, было понимание. В том числе в таких структурах, как полиция и жандармерия, где работали очень неглупые люди.

Нам надо как только возможно поднимать московские источники. В Петербурге практически не тронуты материалы Департамента иностранных исповеданий. Огромный комплекс документов Синода мало кто трогал. Насколько я знаю, Ф.Г.Ислаев кое-что использовал оттуда⁶³. Так что обширные массивы источников остаются не исследованными.

А.Х.Бурганов: Я хотел бы обратить ваше внимание на то, какое значение имеет такого рода обсуждение и какова его конечная цель. Я, наблюдая за татарской историографией последних лет, причем за прогрессивной в основном, пришел к выводу, что речь идет о том, что татары хотят заявить о себе всему миру, российской общественности и войти в русскую историографию в лучшем виде, чем их до сих пор изображали. Вот в этом я вас поддерживаю, господин Арапов.

Недавно Решат Сафит издал книгу «Татар йолы». Он не особенно опытный историк, но вся книга пронизана стремлением показать, что татары и русские – это две нации, которые выступали и выступают в качестве государства образующих в России. Хотя, конечно, есть противоположная тенденция, она и здесь наблюдалась: дескать, не надо преувеличивать, ну, было там какое-то наследство... Я придерживаясь другой точки зрения.

К сожалению, русская историография на сегодняшний день занимает такую позицию, которая, как мне кажется, остроумно показана в одной притче. На полке стоят две емкости. Одна наполнена медом, другая – огурцами. Вот огурец соседу-меду говорит: «Слушай, а ты знаешь, какой я вкусный, когда я с тобой вместе – в меду?». На что мед отвечает: «Отойди-ка, я и без тебя хорош». И вот я боюсь, что гордость у русской исторической науки имеется, но плохо, когда она переходит в гордыню. Кое-какие сдвиги, чтобы отойти от этой гордыни, есть. Я это наблюдал в связи с событиями, связанными с годовщиной Куликовской битвы, с публикациями, с тем, как это превратилось в религиозный праздник. Алексей ездил в Тулу, справлял этот праздник по битве, которой, я убежден, не было! (*Оживление, общий смех. Реплика с места:* Или была, но в другом месте.)

Я очень много почерпнул сегодня, спасибо, но знаете... Такая насыщенность войнами, разбоем, набегам – в этом вся история России. Я знал, что 220 лет из нее – это сплошные войны, что они уносили цвет русской нации. Приходишь к такому выводу, что, видимо, природа или Господь Бог, наделив человека интеллектом, абсолютно не связанным с нравственностью, хотя бы в той степени, которая присутствует у животных – не пожирать себе подобных, наделила его и каннибальством. Может быть, мы каннибалы до сих пор, только этим и промышляем и внутри России, и за ее пределами.

Думаю, наш «круглый стол» в значительной мере мог бы способствовать тому, чтобы в историографии русско-татарских отношений было меньше каннибальских ноток, потому что эти две нации выжили, они создали вот это государство, которое сегодня в довольно плачевном состоянии. Но хочется надеяться, что оно все-таки будет лучше со временем.

Н.И.Никитин: По поводу последних выступлений. Боюсь, всех не охвачу, но, чтобы не забыть, начну с той самой пословицы, которая звучит на русском языке так: «Калина сама себя хвалила: я с медом хороша. А мед ей отвечает: я и без тебя хорош». Что касается сосудов, то ситуация зависит от взгляда на сосуд. Вот я смотрю на него и могу сказать, что он либо наполовину полный, либо наполовину пустой.

⁶¹ Государственный архив Российской Федерации. Ф. 102. Оп. 80. Д. 88. Ч. 33. Л. 56 об., 58.

⁶² Российский государственный военно-исторический архив. Ф. 165. Оп. 1. Д. 1543 (Записка казанского губернатора П.М.Боярского по «мусульманскому вопросу», 1915 г.). Л. 40 об.

⁶³ *Ислаев Ф.Г.* Ислам и православие в Поволжье XVIII столетия. От конфронтации к терпимости. Казань, 2001.

То же самое я хочу сказать о некоторых представителях татарской интеллигенции (и не только об историках): чего они хотят. Разные представители – разного. Я в последнее время все больше сталкиваюсь с теми татарами, которые хотят от русских покаяния. За что? За «гнет многовековой», за «христианизацию», за сам факт завоевания...

Еще в 1980-е гг., когда на «Мосфильме» началась работа над фильмом «Ермак», мне приходилось иметь с ним дело – в частности, обсуждать сценарий с представителями сибирских татар. Сколько мы им ни объясняли, что нельзя подходить к событиям далекого прошлого с современными морально-этическими мерками, что в XVI в. была своя мораль, своя этика, которые не относили миролюбие к числу добродетелей (это слова их же кумира – Л.Н.Гумилева⁶⁴), – наши оппоненты стояли на своем и требовали, чтобы фильм о Ермаке призывал русский народ к покаянию. Видимо, для них это был бы самый выигранный политический ход.

Об аналогичной позиции казанских татар не раз сообщалось в прессе. Так, в статье В.Радзиевского в «Московских новостях» говорилось об упорных попытках внедрить в сознание жителей Татарстана мысль «об особой вине России и русских, которым-де необходимо покаяться, прежде чем получить право продолжать жить на исторической родине татар»⁶⁵. По свидетельству корреспондента газеты «Коммерсант» А.Колесникова, десятилетие спустя та же идея витала уже в Москве – в колледже МИДа, где представители татарской общественности, включая профессиональных историков, собрались на «круглый стол» для обсуждения проблем, связанных с Куликовской битвой⁶⁶.

Политизация исторических событий и напряжение, о котором здесь шла речь, имеют, мне кажется, два источника, две причины. Во-первых, это чистой воды политиканство, понять которое можно, но это не дело историков, людей, занимающихся наукой. Во-вторых, это просто низкий уровень культуры. Знаете, обижаться на события многовековой давности, считая себя обиженным через много поколений – это по меньшей мере глупо. В Западной Европе объединяются, дружат народы и страны, которые были смертельными врагами, проливали реки крови друг друга всего полвека назад. У нас же, у народов одной страны, плечом к плечу боровшихся против общих врагов и полвека, и век, и три века назад, столетиями живших одной судьбой, появляются вдруг обиды на события пятивековой давности. Это же смешно, наконец!

Теперь – к более конкретным вопросам, которые у нас обозначены в повестке. О последствиях вхождения территории Казанского ханства в состав России. Что касается «добровольного вхождения» (самого термина), то я думаю, что тут нужно искать истоки не у Тихомирова, а в высоких властных структурах. Ведь дело дошло в конце концов до абсурда! Ни один народ у нас, оказывается, не был завоеван; все, включая кавказские горские народы, добровольно входило в состав Русского государства!

Эти проблемы мне особенно знакомы по Сибири. Там, правда, все было несколько сложнее. Народы Северной Азии входили в состав России разными путями. Одни были завоеваны, как казанские татары, другие признали русскую власть без войны (во всяком случае без кровопролития); были случаи и добровольных вхождений. Все эти события и процессы, историкам удалось еще в 1960-е гг. объединить термином «присоединение», ибо он, по словам, В.И.Шункова, включал в себя явления различного характера – «от прямого завоевания до добровольного вхождения»⁶⁷. Но вот с конца 1960-х и начала 70-х гг. в пропаганде нашей обозначился приоритет «добровольных вхождений», термин «присоединение» перестал устраивать некоторых наших коллег. Например, историк из Якутска (и, кстати, якут по национальности) Г.П.Башарин приложил массу усилий, пытаясь доказать, что термин «присоединение» не научен, так как включает в себя взаимоисключающие понятия – насильственные и добровольные пути вхождения. А говорить надо, мол, лишь о добровольном и мирном пути⁶⁸.

Сейчас дуют другие ветры, и иных историков – например, А.С.Зуева из Новосибирска, – термин «присоединение» тоже не стал устраивать, но уже по прямо противоположной причине: потому что предполагает наличие и мирного пути, в то время как, по его мнению, речь может идти

⁶⁴ Гумилев Л.Н. Люди и природа Великой Степи // Вопросы истории. 1987. № 11. С. 96.

⁶⁵ Московские новости. 1991. № 26.

⁶⁶ См.: Коммерсант, 2001, № 47.

⁶⁷ Шунков В.И. Некоторые проблемы истории Сибири // Вопросы истории. 1963. № 10. С. 66-67.

⁶⁸ Башарин Г.П. Некоторые вопросы историографии вхождения Сибири в состав России. Якутск, 1971. С. 4, 5, 25, 44, 67, 68.

лишь о завоевании⁶⁹. А как же быть с хорошо известными примерами добровольных вхождений? «Воля народа», Наиля Ермухановна, – теперь далеко не для всех аргумент. По мнению того же А.С.Зуева, ее в те времена вообще нельзя было определить⁷⁰. Разве проводились референдумы об объединении? Разве каждый народ в полной мере осознавал, что принимает новое подданство и входит в чей-то состав? Украина, например: вопрос о ее присоединении к России решался старшинами, а не всем народом.

Как видим, здесь имеет место подход к событиям далекого прошлого с позиций не только современной этики и морали, но и современного права. Но уж если человек заикнулся на таких вещах, то его сложно переубедить с помощью нормальной аргументации.

Теперь по существу нашего вопроса. Что стало с Казанским краем после его вхождения в состав России? Тут был затронут вопрос о колониях России, было приведено высказывание Столыпина. В общем я согласен, что в России не было колоний, кроме Средней Азии и Закавказья. Колонии, если иметь в виду политическое значение этого слова, предполагают наличие метрополии. Но что было метрополией по отношению к территории Поволжья, Сибири? Ведь отличие прежде всего должно быть в структуре и форме управления.

Чем принципиально отличалась форма управления на территории Казанского ханства? Я имею в виду, естественно, не первые 10-20 лет после завоевания, а столетие, прошедшее после этого. Разве у татарского народа были какие-то принципиальные отличия в правах, которые могли поставить его в ущемленное положение по сравнению с русским народом? Правда, здесь называли *ясачных* крестьян. Но что такое *ясачные* крестьяне по сравнению с государственными, которые были в основном в великорусских губерниях? Все отличие, по-моему, состояло лишь в том, что, меньше платили податей. Сейчас учеными, в том числе и западными, признается, что податной гнет на русское население, как правило, был неизмеримо выше, чем на *ясачное*⁷¹. Это форма колониального угнетения? Вряд ли.

Конечно, однозначно положительных и однозначно отрицательных последствий у исторических событий не бывает. Такова диалектика истории. Но, как правило, по истечении большого промежутка времени всегда можно подвести общий итог, выяснить, каков баланс в общем соотношении положительного и отрицательного. Ясно, что крутые перемены в жизни любого общества влекут за собой массу неприятностей, множество человеческих трагедий. Вспомним, как дорого обошлись России преобразования Петра I, сколько они потребовали жизней. Однако кто сейчас возьмется всерьез оспаривать в основном глубоко прогрессивный характер петровских реформ и для русского народа, и для России в целом?

Насильственное включение одного государственного образования в состав другого – это событие тоже из разряда тех, которые влекут крутые перемены в жизни народа завоеванной страны, имеет для него порой весьма тяжелые, трагические последствия. В результате военных действий всегда гибнут люди, сокращается численность населения, происходит запустение (пусть и временное) земель. Но главный вопрос в другом: этот «негатив» – общая тенденция или временное явление? Определяет ли он дальнейший путь развития завоеванной страны или является всего лишь «платой за прогресс»? Сохранил ли вошедший в состав другого государства народ свою культуру? Смог ли развивать ее? Какова, наконец, была динамика его численности при новой власти за сто, двести лет? И так далее.

Если мы возьмем достаточно продолжительный период, то территория Казанского ханства деградировала в хозяйственном отношении или успешно развивалась? Вопрос, по-моему, риторический. Развивалась, так же как вся Россия. И надо учитывать, что до присоединения к России, до завоевания данный регион в социально-экономическом отношении все-таки отставал от нее. Собственно, потому завоевание и имело место, что русские оказались сильнее в военно-техническом и экономическом отношениях. Но применительно к последующему периоду этого уже не скажешь.

Татары со временем столь прочно интегрировались в российскую жизнь, что трудно отыскать в ней хоть одно значимое явление, хоть один важный процесс, где бы они так или иначе не «обозначились». Как сибиреведу мне в свое время показалась весьма любопытной такая деталь в истории русской колонизации Сибири. Начиная с XVII в. в этом процессе заметное участие приняли и поволжские татары – прежде всего купцы. Они, в частности, сколачивали неплохие состояния на

⁶⁹ Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып. 1. Новосибирск, 1999. С. 124-136.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ См., например: Кантелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 92, 93, 121.

посреднической торговле с «бухарцами» и, что особенно интересно, общаясь с этнически близкими тюркскими племенами Сибири, выступали по отношению к ним как своего рода культуртрегеры.

Но я позволю себе не касаться далее демографических и культурологических проблем. Здесь картина более-менее ясная и в целом отнюдь не драматическая. Предлагаю рассмотреть вопрос о последствиях присоединения Среднего Поволжья к России в более глобальном масштабе, а именно: какую роль оно сыграло в судьбах всего мира?

Хотя сослагательное наклонение не приветствуется в исторической науке, без него часто нельзя обойтись, особенно как раз в тех ситуациях, когда нужно охарактеризовать значение какого-то события. Вот и представьте себе, что было бы, если бы Россия не завоевала Казанское ханство. Оно осталось бы суверенным, а Россия осталась бы в пределах тех территорий, которые находятся западнее Волги. Что было бы дальше с Россией и со всем миром? Возьмем Вторую мировую войну. Какую опасность нес фашизм всему человечеству, я думаю, объяснять не нужно, так же, как и то, что без России, без Советского Союза, разгром его едва ли произошел бы, едва ли Гитлер был бы разгромлен. Выиграл бы Советский Союз войну, если бы в его состав не входили Волга, Урал и Сибирь? А они не могли быть присоединены к России без присоединения Казанского ханства.

Я предложил бы участникам «круглого стола» подумать над этими вопросами прежде, чем выносить на обсуждение в более широкой аудитории, в школьные учебники и в популярную литературу. Ведь массовому читателю русско-татарское противоборство показывается, как правило, довольно однобоко даже в тех случаях, когда авторы основываются не на мифах, а на реальных фактах. Не секрет, что в большинстве популярных работ о «Казанском взятии» источники используются «выборочно»: подробно описываются «жестокости» только одной из воюющих сторон – даже если факты свидетельствуют, что и другая сторона была не лучше. Хочется надеяться, что такие сочинения – пройденный этап нашей историографии. Вопрос, что идет им на смену?

В последнее время мне приходится сталкиваться с новой тенденцией в изображении русско-татарского противоборства: материал о военных действиях, всякого рода набегах и походах подается сбалансировано применительно к каждой из сторон, но с такими подробностями, что у читателя стынет кровь в жилах. Мне кажется, что излишний «натурализм» в изданиях массового характера неуместен. И дело здесь не в том даже, что все эти «каннибальские» подробности, как тут их называли, у неподготовленного, не искушенного в ментальностях эпохи читателя могут возбуждать «мстительные исторические воспоминания» (выражение Э.Лимонова). Главное в другом: «натурализм» в изображении кровавых событий далекого прошлого лишь внешне делает исторические работы более достоверными. Ведь в данном случае цель натуралистических описаний – сыграть на эмоциях читателя, воззвать к его чувствам, а не к разуму.

Но это не поможет в понимании исторических событий и эпохи в целом, а лишь создаст помехи на пути к истине. В чем помехи? Да в том, что эмоциональное восприятие суровых реалий многовековой давности нынешним читателем далеко не всегда соответствует их эмоциональному восприятию современниками. Ясно же, что представление о ценности человеческой жизни (и особенно детской жизни) в средневековье очень сильно отличалось от нынешнего. Но это ясно профессиональному историку (да и то, как показывает опыт, не каждому); от массового же читателя ожидать подобного понимания трудно. И прежде чем выходить с темой «Присоединение Среднего Поволжья к России» на широкую аудиторию, добросовестный историк должен продумывать вопросы со всех точек зрения.

Э.Л.Дубман: Мне хочется продолжить тему, на которую говорил Николай Иванович, но в другом разрезе. Действительно, возникает весьма странная ситуация. В одном из произведений XVII в. его автор удивлялся, что была Москва маленьким селом Кучковым и вдруг стала инициатором создания великого государства⁷². В самом деле, к концу XVII в. Московское государство протянулось до Тихого океана, охватило огромные территории. В этом процессе нужно, наверное, определить место завоевания Казанского, Астраханского и Сибирского ханств, а также выяснить, откуда взялись ресурсы, резервы для того, чтобы затем освоить новые пространства, чтобы вся эта территория стала мощным государством.

И здесь, мне кажется, стоило бы отметить роль присоединения Казанского ханства. Я вполне согласен с мнением Александра Геннадиевича (Бахтина. – *Ред.*), что первоначально, в течение определенного периода, в краткой исторической перспективе это принесло в большей степени головную боль для московских государей, вызвало напряжение для всего Российского государства.

⁷² Сказание об убиении Даниила Суздальского и о начале Москвы // Памятники литературы Древней Руси. XVII век. Кн. 1. М., 1988. С. 123.

Но вот в более широкой, значительной перспективе здесь были весьма положительные стороны. В чем это выразалось?

Это выразалось в том, что начали осваиваться лесостепи. Ведь лесостепи, новые благоприятные районы для сельского хозяйства – основы экономики России того времени, начали осваиваться в основном именно отсюда, с юго-востока и потом уже на юг. Это первое.

Второе. В конце XVI-XVII вв. по-настоящему начинается экономическое районирование территории страны. Ни в коей степени не хочу говорить о районировании сельскохозяйственной продукции или в том значении, когда подразумевают районирование при капиталистических отношениях. Но крупнейшие промысловые центры добычи соли, промысловой рыбы, пушного промысла – это Пермь и Астрахань. Они появляются в конце XVI-XVII вв. То есть появляются новые ресурсы. К тому же в конце XVI в. Россия открывает как путь как на Запад, через Архангельск, не получив возможности выйти через Балтику, так и путь на Восток, через Волгу.

Все эти явления, как и расширение территории, вели к растеканию населения. И закрепостительные меры второй половины XVI в., мне кажется, тоже в определенной (не в полной) степени связаны с тем, что появилась возможность обживания новых экономических районов. Я уж не говорю об изменениях в самой государственности, то есть в политических институтах России, в учреждениях и мироощущении правящего сословия, которое руководило страной. Здесь тоже наступают очень любопытные изменения.

И.В.Зайцев: Я хотел бы даже не продолжить дискуссию, а сделать несколько замечаний. У нас здесь уже зашла речь об образах русских и татар в зеркале взаимной симпатии и антипатии. Вопрос, как и все, которые мы обсуждали и еще будем обсуждать, сложный. Получается так, что эти образы у того и у другого народа очень расходятся, варьируются от образа врага до образа друга.

Возьмем, допустим, татарские пословицы. Перед тем как сюда прийти, я просмотрел записи пословиц крымских татар (правда, в записях русских и турецких этнографов и лингвистов). Там есть совершенно замечательные пословицы, которые отражают отношение татар к русским. Вот великолепная пословица: *Казакны зафтрасы битмес*, т.е. «Русское завтра никогда не кончается». Или, например: *Урустан дост болмаз домуздан пост*, т.е. «Из русского друг – все равно что со свиньи руно». Или: *Урусман дост болсан балтан катында болсун*, т.е. «Русская дружба – на лезвии топора» (так это можно перевести достаточно вольно). Если мы будем оценивать все это буквально, то не заметим таких пословиц, где проявляется достаточно критическое отношение к собственному народу: *Татарынг акла сонунда келюр*, т.е. «К татарину ум приходит последним», ср.: «Русский человек задним умом крепок».

Таким образом, происходит совмещение как бы двух полюсов: русские плохие, но среди татар есть еще хуже. Шахин-Гирей, последний хан Крыма, остался ведь в памяти крымских татар как очень отрицательный персонаж. И крымская пословица в записи А.Н.Самойловича гласит: *Камгы боюнда казакка хизмет идерим, Шагин Гирей ханга хизмет итмем*, т.е. «Лучше я буду служить русскому ростом с кнут, чем Шагин-Гирей-хану»⁷³.

И в русском языке есть пословицы, связанные с татарами, где прослеживается то же самое варьирование от образа врага до образа друга. Достаточно неплохо это видно в письменных средневековых источниках. Возьмем «Казанскую историю». Немало написано о том двойственном образе татар и самой Казани: с одной стороны, это мусульмане, агаряне, с другой – и Казань красивая, и казанцы доблестные и т.д. Возвращаясь к пословицам: мы все помним «Незванный гость хуже татарина», но почти никто не знает, что, скажем, в XVII в. эта пословица звучала как «Незванный гость лучше и званого»⁷⁴.

В общем не стоит настаивать, что данные образы были сильно фиксированы в татарском и русском общественном сознании, в том числе средневековом. Разные времена оставляли разные следы в восприятии другого народа.

Ш.Ф.Мухамедьяров: Я хочу обратить внимание на точку зрения известного татарского просветителя Исмаила Гаспринского (его имя уже упоминалось здесь). Вот как он все это объясняет: «Объективно говоря, татарское государство (здесь подразумевается Золотая Орда. – *Ред.*) причинило

⁷³ Пословицы цит. по: Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, собранные гг. А.А.Боданским, Мартино и О.Мурасовым // Известия Таврической ученой архивной комиссии. Гол 28-ой. № 52. Симферополь, 1915. С. 55; *Ulkusal M. Dobruca'daki Kinm Turklerinde Atasozleri ve Deyimler*. Ankara, 1970. S. 93.

⁷⁴ Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX столетий. Собр. и пригот. к печати П.Симони. Вып. 1. Ч. I-II. СПб., 1899. С. 127.

Руси неисчислимые бедствия, задержало цивилизацию на несколько столетий. Это совершенно верно, но я думаю, что столь продолжительное господство над Русью какого-либо другого племени при той же силе и могуществе могло бы совершенно уничтожить Русь»⁷⁵. Это мнение человека, очень уважаемого в тюркском мире.

Еще интересно вот что (это в продолжение высказывания Николая Ивановича [Никитина. – *Ред.*]). Английский ученый А.Тойнби писал в свое время, что «в результате татарского ига Русь понесла убытки не столько от татар, сколько от западных соседей, не преминувших воспользоваться ослаблением Руси для того, чтобы отрезать от нее и присоединить к западно-христианскому миру западные русские земли в Белоруссии и на Украине. Только в 1945 г. России удалось вернуть себе те огромные территории, которые западные державы отобрали у нее в XII-XIV вв.»⁷⁶.

В другом месте Тойнби высказался в том смысле, что завоевание, присоединение Казани, Астрахани, Волги к России позитивно способствовало становлению и укреплению Российского государства. А вот когда Россия перешла за Урал, это уже стало довольно тяжким бременем для русских⁷⁷. По существу мы Сибирь до сих пор толком не можем освоить.

Н.И.Никитин: И Центр тоже.

Ш.Ф.Мухамедьяров: Ну, это уже из другой эпохи. У Тойнби есть еще такое положение относительно взятия Казани и Астрахани: эти цивилизованные мусульманские государства вошли в состав России, и она тогда находилась на подъеме. «Когда общество, отмеченное явными признаками роста, стремится к территориальным приобретениям, можно заранее сказать, что оно подрывает тем самым свои внутренние силы»⁷⁸.

Кроме того, есть еще более смелое суждение Э.Хара-Давана. Его книгу несколько раз переиздавали, и я, ознакомившись с ней, тоже способствовал одному из ее переизданий. «Если сравнить “иго монгольское” с “игом европейским” – как можно назвать двухсотлетний императорский период русской истории, – период духовного засилья Европы, разрушения и гонения силою власти всего национального, то итоги этих двух исторических периодов, этих двух школ, обнаруживаются наглядно: экзамен на аттестат политической зрелости татарской школы Россия выдержала блестяще, между тем как на экзамене европейской школы на ту же политическую зрелость, после периода учения одинаковой продолжительности, Императорская Россия жестоко провалилась в 1917 г.»⁷⁹.

То, что мы сейчас стараемся детально понять всю эту ситуацию, – конечно, важно. Главное – надо стремиться как можно более адекватно воспроизводить дошедшие до нас источники, проверять, насколько они достоверны. Я поддерживаю все высказывания товарищей насчет того, что нужно деполитизировать все эти проблемы, чтобы не было у нас бесконечных обид. Многовековая история отношений русских и татар очень сложна и противоречива, и к единому мнению по целому ряду вопросов до поры до времени мы все равно прийти не сможем. Этому мешают или наши заблуждения, или такие заблуждения, в которые мы начинаем искренне верить, к сожалению. Но для нас сегодня – и для русских, и для татар, и для других народов Российской Федерации – очень важно, чтобы восторжествовала историческая правда. А она заключается в том, что государство Российское создавалось, главным образом, (так объективно получается) русскими и татарами.

Если у «нормальных» русских ученых признание этого присутствует (даже в первых периодизациях у историков XIX в. выделялся татарский период), то в современных учебных программах татарский период абсолютно элиминирован – упоминается между прочим где-то один раз, и больше его нет.

Мы здесь говорим, что вся ситуация была гораздо более сложной. Идея, будто Москва стала единственной объединительницей русских земель, пошла с подачи Сталина, когда отмечали 800-летие Москвы. Поэтому мы и подверстали всю остальную русскую историю под эгиду Москвы, хотя центры объединения были разные. Конечно, в итоге единственным центром стала Москва, и с Ивана III начинается современное Российское государство. Последний ханский ярлык в 1462 г. был выдан ему именно на объединение.

Так что я считаю, что «круглый стол» у нас получился хороший, правильный, и идеи, которые

⁷⁵ *Гаспринский И.* Русское мусульманство // *Арабески истории.* М., 1994. С. 392.

⁷⁶ *Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. СПб., 1995. С. 157.

⁷⁷ *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991. С. 231.

⁷⁸ Там же. С. 323.

⁷⁹ *Хара-Даван Э.* Чингис-хан как полководец и его наследие // *На стыке континентов и цивилизаций (из опыта образования и распада империй X-XVI вв.).* М., 1996. С. 273.

здесь высказываются, безусловно, будут способствовать не только стабилизации и преодолению некоторых противоречивых взглядов в нашей науке, но и укреплению отношений между нашими народами.

Н.И.Никитин: Я хотел бы сказать несколько слов в продолжение выступления предыдущего оратора, но на лирической ноте, если позволите. Были у татар не только воины, не только купцы, были еще и просветители. Вам знакомо имя Нигмета Ибрагимова? Преподаватель гимназии, который написал несколько песен, ставших русскими народными.

Ш.Ф.Мухамедьяров: Да, в начале XIX в.

Н.И.Никитин: И еще позвольте прочитать одно стихотворение, которое другой татарский просветитель, Г.Тукай, написал, обращаясь к татарам.

В России наших дел, трудов, следов немало,

В истории ее мы – чистые зеркала.

Мы жили и живем с народом русским вместе,

Заимствуя словарь, мораль, законы чести.

Я думаю, на этой ноте нам вполне можно закончить «круглый стол».

Ш.Ф.Мухамедьяров: И расхожий тезис о том, будто Россия была «тюрьмой народов», тоже устарел!

В.В.Трепавлов: Коллеги, давайте завершать дискуссию. Позвольте подвести некоторые итоги. Цель нашей встречи состояла в выяснении причин и исторических обстоятельств завоевания Иваном IV Казанского ханства; политических, культурных, этнодемографических и других последствий завоевания; отражения присоединения Поволжья к России в историографии и в исторической памяти народов. Не все намеченные вопросы мы сумели и успели обсудить с достаточной полнотой. Тем не менее разговор у нас состоялся, несомненно, полезный и интересный.

Во-первых, его участники выступали и порой полемизировали друг с другом, привлекая свидетельства документов: летописей, сказаний, дипломатической переписки, фольклора и др. При этом звучали цитаты из редких и малоизвестных источников. Опора на источники придала дискуссии полноценную научную направленность.

Во-вторых, организаторы «круглого стола» не видели свою задачу в выработке какой-то унифицированной точки зрения. Как профессионалы мы с вами понимаем, что при современном состоянии источниковой базы и при различиях трактовок в историографии споры о событиях середины XVI в. будут продолжаться еще очень долго. Здесь прозвучало предложение внести такой-то пункт в резолюцию «круглого стола». Думаю, что нет необходимости нам сейчас придумывать итоговую резолюцию. Полагаю будет достаточно, если публикация отредактированной стенограммы покажет все «повороты» дискуссии – и те, в которых участники были солидарны, и те, которые вызывали споры.

В-третьих, по ходу полемики мы выходили и на более общие вопросы: степень татарского (золотоордынского) влияния на российскую государственность; отличие вассалитета от протектората; добровольный и вынужденный, мирный и насильственный характер вхождения народов в состав России; правомерность приписывания национальным окраинам России статуса колоний и др. Это показывает принципиальную важность для российской истории основной проблемы, обсуждавшейся нами, – «Казанской войны» и ее последствий, показывает связь этой проблемы с изучением общих закономерностей развития России.

Наконец, хочу с удовольствием отметить, что обсуждение проходило в спокойной, доброжелательной атмосфере, в истинно академическом духе. Наша встреча показала, что самые сложные исторические вопросы можно обсуждать без излишних эмоций, надуманных обид. Мне представляется чрезвычайно ценным, что при всех расхождениях во взглядах на конкретные исторические сюжеты мы все были едины в признании недопустимости политизации подобных, сугубо научных проблем. Думаю, что выражу ваше общее мнение, если скажу, что задача исследователей в XXI в. состоит не в оценке поступков деятелей прошлых времен по принципу «хорошо или плохо», а в анализе исторических обстоятельств, которые побуждали людей поступать так или иначе, – в том числе анализе тех обстоятельств, которые привели к складыванию конкретной ситуации в Среднем Поволжье в середине XVI столетия.

Благодарю всех за участие.

Компьютерная верстка: *Васильева Н.В.*

Утверждено к печати Институтом российской истории РАН

Подписано в печать 09-06.03. Формат 60x84/16
Заказ № 17 Тираж 300 экз. 5 п.л. 3,99 уч.-изд.л.

Издательский центр Института российской истории РАН
117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19.